

CREATIVE
WRITING
SCHOOL

ПАШНЯ

Елена Авинова

Пашня. Альманах. Выпуск 2. Том 2

«Издательские решения»

Авинова Е.

Пашня. Альманах. Выпуск 2. Том 2 / Е. Авинова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859565-3

Во второй выпуск Альманаха «Пашня» вошли лучшие работы выпускников литературных мастерских Creative Writing School сезона осень 2016 — весна 2017 года. Второй том составили работы участников выездных мастерских прозы Майи Кучерской в Чехии и Италии, а также онлайн программ: школы «Как писать прозу: теория и практика», в том числе, первого опыта «Курса для продолжающих» и курсов Анны Старобинец «Проза для подростков» и «Внутренний подросток».

ISBN 978-5-44-859565-3

© Авинова Е.
© Издательские решения

Содержание

Слово мастерам	7
Проза. Выездная мастерская Майи Кучерской в Праге (декабрь 2016)	16
Наташа Апраксина	16
Арина	16
Екатерина Исаченкова	19
Гуляш	19
Юлия Казанова	21
Случай в городе Кафки	21
Елизавета Ракова	23
Франц	23
Василий Юренков	26
Колыбельная для дракона	26
Проза. Выездная мастерская Майи Кучерской в Бергамо (май 2017)	29
Юлия Бибишева	29
Брешь	29
Дмитрий Головин	31
Фурор	31
Инна Каудерс	35
Благое дело	35
Алина Костриченко	37
Сказка о всадниках	37
Мария Серета	40
Берег	40
Мария Цюрупа	43
Крыша, девушка, реквизит	43
Роберт Ягафаров	46
Беби—бум	46
Санёчек	48
Онлайн-курс Анны Старобинец «Проза для подростков». Дети 11—13 лет. Мастера: Ирина Лукьянова и Ксения Молдавская	50
Елена Белоусова	50
Ведьмасенс	50
Владимир Корякин	53
Обыкновенный понедельник	53
Мария Морозова	56
Разноцветное	56
Онлайн-курс Анны Старобинец «Проза для подростков». Подростки 14—15 лет. Мастер Олег Швец	59
Анастасия Заритовская	59
В хорошей компании	59
Екатерина Косых	61
Переезд	61
Александра Савичева	62
Праздник	62
Онлайн-курс Анны Старобинец «Внутренний подросток». Взрослые. Мастера: Алексей Евдокимов, Дмитрий Самойлов	66

Ася Балужева	66
Карманное солнце	66
Дмитрий Быкадоров	69
Net Present Value	69
Анна Занадворова	72
Последнее дело Эжена Серова	72
Ирина Нильсен	75
Штукатурка с помехами	75
Михаил Серендипыткин	77
Магнус, Бьёрн, топор и погода в Эребру	77
Онлайн-курс «Как писать прозу: теория и практика». Лето 2016.	79
Мастера: Евгений Абдуллаев, Михаил Визель, Александр Иличевский, Лиза Новикова, Денис Осокин, Елена Холмогорова	
Наталья Агеева	79
Николка	79
Галина Бабурова	82
Корабль под самой крышей	82
Екатерина Богомолова	84
Искушение	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Пашня

Альманах. Выпуск 2. Том 2

Художественное оформление, обложка Елена Авинова
Выпускающий редактор Юлия Виноградова

© Елена Авинова, художественное оформление, обложка, 2017

ISBN 978-5-4485-9565-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово мастерам

1. Мастер по Creative Writing, по вашему мнению – гуру, шаман, учитель, старший товарищ?

2. Какова конечная цель ваших занятий в мастерской и совпадают ли результаты с ожиданиями?

3. Могут ли подобные курсы изменить состояние литературы?

МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ

1. Скорее, ощущаю себя повитухой, которая помогает родиться новому тексту на свет. Важно, чтоб был здоровым, ни на кого, кроме родителя непохожим и радовал нас.

2. Иногда и превосходят. Как вот в этой, например, пражской мастерской, рассказы которой представлены в сборнике. Это был выездной семинар, он проходил в Праге – зимней, предпраздественской, и длился всего пять дней. Казалось бы, чему можно научиться за пять дней? Оказывается, можно. До этого выездной семинар, который мы провели вместе с поэтом Максимом Амелиным, проходил в Тбилиси – и рассказы «кавказские» были полны солнца, вина, горных пейзажей, неба синего. Рассказы, написанные в Праге, впитали пражский миф, сотканный Майнринком, Кафкой, готической архитектурой и получились другими – мистическими, эмоционально напряженными – с совсем другими героями, пространством, чувствами. Потом была еще и Италия, Бергамо. На родине Боккаччо и европейской новеллы мы вместе с соавтором этой мастерской, замечательным филологом Олегом Лекмановым обсуждали, как работать над структурой текста и писать сюжетные рассказы. Плоды наших пражских и бергамских занятий, правда не все – только самые сочные и зрелые, тут, в этом альманахе.

3. Конечно, да. Подобные курсы, школы, мастерские рыхлят литературную почву и создают тот самый питательный гумус, без которого невозможно появление новых талантливых текстов. Не сразу, но благодаря подобным заведениям, уровень нашей словесности неизбежно изменится: станет профессиональнее и многоцветнее.

АННА СТАРОБИНЕЦ

1. Мне кажется, «мастер» в данном случае – очень уместное слово, потому что его функция – обучать ремеслу, технике. То есть, грубо говоря, есть мастер – а есть подмастерья. Я не верю в то, что можно научить кого-то таланту или даже уму. Научить ремеслу – можно. В случае наличия у подмастерья еще и врожденного таланта, результат может быть потрясающим.

2. Познакомить учеников с алгоритмом придумывания и написания историй, научить их пользоваться писательским инструментарием, запустить внутренние творческие механизмы в том случае, если есть, что запускать. Как правило, всех этих целей проще добиться с детьми и подростками, чем с полностью сформировавшимися людьми, имеющими четкие ответы на все вопросы. Именно поэтому я подчеркиваю, что даже во взрослых группах на моем курсе ведутся занятия с «внутренними подростками».

3. На этот вопрос сложно ответить на такой короткой дистанции. Курсы Creative Writing существуют в России совсем недавно. Чтобы оценить их влияние на «состояние литературы», нужны десятилетия. С уверенностью могу сказать только то, что на состояние культуры подобные курсы, без сомнения, могут повлиять только положительно. Под «подобными» я подразумеваю занятия, которые ведутся, как в CWS, именно профессионалами, чей статус априори подтвержден многочисленными публикациями, переводами, изданиями, премиями, etc, а не вообще любые «писательские курсы», которые возьмется вести Вася Пупкин только потому, что выложил свои тексты где-то на просторах рунета.

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

1. Я бы сказала – старший товарищ, который направляет совместные поиски.

2. Я работала в нескольких мастерских, но цель обычно общая: помочь талантливым людям понять, на что они способны, что у них получается лучше всего, помочь им избежать досадных ошибок, которые чаще всего совершают начинающие авторы. Совпадение результатов с ожиданиями зависит скорее от состава группы и личной мотивации ее участников. Когда с этим все в порядке – результаты иногда даже превосходят ожидания.

3. Литература, конечно, дело одинокое, но для того, чтобы это одинокое дело делать, писателю нужна среда. А подобные курсы эту среду создают. Чем выше общий культурный уровень общества, тем питательней бульон, в котором зарождается литературная жизнь. Мы не выращиваем гениев – мы создаем среду.

ДМИТРИЙ САМОЙЛОВ

1. Мастер по Creative Writing – это просто тот человек, который умеет видеть неточности, как замысла, так и его воплощения, то есть, стилия – и умеет эти неточности объяснить ученику так, чтобы у того не возникло сомнения, что их нужно исправить.

2. Моя конечная цель в том, чтобы ученики сдавшие финальное задание, стали бы употреблять в своих текстах немного меньше штампов, усложнили бы метафоры с ассоциацией первого уровня до ассоциаций уровня хотя бы полуторного. Те, кто доходят до финального задания и работают над своим стилем, как правило, также отказываются от первоначальной идеи своего финального рассказа. То есть, они изначально пришли для того, чтобы дописать что-то давно задуманное, но пройдя курс от того старого замысла отказались. И это главное достижение и для них, и для школы – творческое поступательное движение, отказ от старого в пользу более совершенного.

3. Даже если на этих курсах не вырастет ни одного писателя, на них вырастет несколько сотен более требовательных читателей, которые понимают, как устроен текст и как он должен быть написан. А значит, рано или поздно, литература изменится в лучшую сторону уже хотя бы от этого требовательного запроса снизу.

АЛЕКСЕЙ ЕВДОКИМОВ

1. Мастер по CW, по-моему, это профессионал, который делится особенностями профессии с теми, кто в ней новичок. Мне кажется, воспитать или обучить писателя невозможно по определению, потому что тут слишком многое зависит от наличия врожденных способностей, талантов, «чувства текста». Как, разумеется, и в любом разряде искусства. Но даже человек со способностями музыканта не станет хорошим музыкантом без овладения техническими навыками в консерватории. То же и с художником, которому при наличии таланта все равно надо знать законы перспективы и пр. Так вот, в литературе тоже существует свой набор технических умений. Ими, в отличие от умений музыкальных или художественных, вполне можно овладеть и самостоятельно, но если есть профессионал, готовый поделиться собственным опытом, это, естественно, облегчает дело.

2. Поскольку я в мастерской был как раз в качестве преподавателя, цель моих занятий была – поделиться тем, что я знаю и умею, сделать так, чтобы мой опыт оказался полезен для кого-то еще. Надеюсь, пользу кто-то извлеч.

3. Думаю, увы, не могут. Состояние литературы – это такая штука, которая зависит от общих социальных и культурных процессов. От того, например, насколько в данной стране в данное время котируется профессия литератора, насколько фигура писателя общественно значима и авторитетна, можно ли сочинительством заработать серьезные деньги – или хотя бы просто прокормиться. От того, как работает издательско-торгово-критическая машинерия. От того, насколько привычка к чтению распространена в обществе. И так далее. Курсы SW могут помочь в овладении литературной профессией конкретным людям, но им все равно придется существовать и работать в условиях, формируемых какими-то глобальными процессами. И стоит, разумеется, отдавать себе отчет, что нынешние времена и пространство русской культуры создают условия, не самые благоприятные для занятий литературой. И поделаться с этим ничего не может, увы, ни самый талантливый писатель, ни литературные курсы.

ЕВГЕНИЙ АБДУЛЛАЕВ

1. Мастер – просто мастер; этого, думаю, вполне достаточно. Человек, который что-то умеет и готов этим умением поделиться. Как он этим будет делиться – в виде пляски вокруг костра с бубном или душевного разговора в курилке – это уже частности.

2. Развитие литературного слуха – аналогично слуху музыкальному. Умение слышать фальшь, неточности, банальности – в своих и чужих текстах.

Есть и более частные цели. Например, авторов, слишком «книжных», которым груз прочитанного мешает писать, – сориентировать на живое, непосредственное наблюдение. А тех, чей багаж прочитанного, наоборот, слишком легок (либо тяжел – но «макулатурен») – попытаться засадить за серьезное чтение.

Результатами? Как правило, доволен: где-то в семи из десяти. Главное, чтобы кроме хотя бы минимально «стартового» литературного таланта, был еще талант учиться.

3. В относительном измерении – в смысле структурирования литературного процесса – безусловно. Уже изменяют. Между литературой самодеятельной и литературой профессиональной возник новый, хорошо и разумно устроенный канал связи, перехода пишущих из любителей в младшую (для начала) лигу.

В абсолютном измерении, конечно, состояние литературы изменяет не ее устройство, а «конечный продукт» – заметные, яркие произведения. Но без относительного в литературе – как и везде – не может быть и абсолютного.

МИХАИЛ ВИЗЕЛЬ

1. В идеале, конечно, – и то, и другое, и третье! Хотя, пожалуй, слово «гуру» я бы не стал употреблять... Сразу представляется некий отрешенный «мудрец брадатый», окруженный экзальтированными поклонниками, ловящими каждое слово. Какое уж здесь творчество? Творчество – это процесс взаимного обогащения. Так что мне кажется самым адекватным именно слово «учитель» – но не в школярском, а в истинном значении этого слова. Не тот учитель, который выдает задания и контролирует их выполнение, а тот, который, если надо, и подшаманит, и выступит старшим товарищем. Это трудно. Но только так и можно.

2. «Цель-максимум» – получить законченное литературное произведение: роман, повесть или рассказ. Которые я смогу предложить в издательство или в журнал. Но реальность оказывается несколько сложнее: настоящая литература – процесс длительный. Книги растут как дубы, а не как бамбук.

«Цель-минимум» – получить квалифицированных читателей. Которых не проведешь маркетингом и яркими рекламными выносами на обложке. Тогда появятся настоящие писатели. Книги родятся от книг.

3. Да, безусловно. Сам институт «литературных курсов» существует в России совсем недавно. Но я уже с удовольствием вижу имена выпускников CWS в коротких списках литературных премий. И это только начало.

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ

1. Никто. В лучшем случае – человек, который способен дать совет, как нащупать правильное решение.

2. Никакой особенной цели нет. Отчасти – но только отчасти, – ремесло само по себе, как метод обращения со смыслом, требует приумножать предмет своего занятия (смысл). А сделать это возможно только с помощью центробежного усилия.

3. Писатели рекрутируются из рядов читателей. Человек нередко начинает писать потому, что в данный момент ему нечего читать. Откуда следует, что письмо и чтение это неразрывные части одного дела. Меня лично всегда очень горячо интересовала литература, поэтому любой исход этих курсов: станет ли человек писателем или останется более развитым читателем – прекрасен.

ДЕНИС ОСОКИН

1. Старший товарищ плюс учитель ближе всего, но ни одно из этих определений удачно не подходит. Скорее практик, эксперт, человек которому можно доверять, волшебник.

2. Ожиданий у меня не было – был интерес и желание пригласить людей в этом спорном очень деле, каким являются всякие литературные курсы. Несмотря на изнурительность этой работы – она приносила мне радость. И – были люди, которые стали для меня и открытиями, и друзьями.

3. Могут, почему нет?

ЕЛЕНА КОЛМОГОРОВА

1. Как ни странно, все эти роли приходится играть – зависит от личности и ситуации. А еще иногда надо быть нянькой, психологом, дипломатом, надсмотрщиком, жилеткой, в которую можно поплакаться и много-много еще есть ипостасей, в которые невольно попадаешь, беря на себя подобный труд.

2. Прежде всего, помочь людям заниматься любимым делом (другие к нам не идут), неустанно воспитывать в них вкус, а способных – всеми силами поддержать. Мне кажется, многое удается.

3. Как минимум, они выращивают качественных читателей – это уже результат. Образуется сообщество людей, для которых литература – неотъемлемая часть жизни. А то, что наши ученики и выпускники на глазах становятся участниками литературного процесса: публикуются, попадают в финалы премий – это уже просто-напросто предмет гордости.

ЛИЗА НОВИКОВА

1. Как говорится, «Il n'est pas de sauveurs suprêmes: / Ni Dieu, ni César, ni Tribun...». Осторожная подсказка, совет, в каком направлении двигаться, наконец, указание на явные ошибки и напоминание о вреде творческой лени, – вот каков инструментарий курса «Как писать прозу: теория и практика».

2. Очень радуюсь за тех, кого после курса ждут серьезные публикации: в «толстых» литературных журналах, в сборниках и альманахах. Но важен и любой результат: от первого задания курса – до последнего меняется сам подход к работе, – это и есть цель. Особенно – если в тексте уменьшается количество лишних эпитетов и причастных оборотов.

Результаты совпадают с ожиданиями, когда видно, что автор работал в полную силу. Автор выглянул из окна и написал о своем отношении к увиденному, – не спрятался

за абстрактными декорациями «из красивой жизни», – это уже мое личное «вечное ожидание». Впрочем, безукоризненно выполненные эстетские «декорации» тоже приветствуются.

3. Конечно, могут. В принципе, состояние литературы должны были изменить соответствующие уроки в средней школе. СWS во многом позволяет пересдать школьные «хвосты» и начать движение к своим текстам, своему кругу чтения.

РОМАН АРБИТМАН

1. Точно не гуру и не шаман. Учитель по статусу, а на деле, скорее, старший коллега. Подсказать, поправить, предложить вариант, поспорить, похвалить, восхититься. А иногда и поругаться – в рамках приличий.

2. Когда-то я рецензировал самотек для одного крупного издательства. Тех, кого я не советовал печатать, обычно не печатали. Тех, кого я рекомендовал к печати, как правило тоже не печатали. Авторы моих рецензий не видели, так что это была работа с почти нулевым результатом... А вот здесь, наоборот, результат бывает виден уже в течение семестра. И процесс тоже виден. И я рад, когда по моей рекомендации достойные тексты в финале курса попадают в альманах.

3. Я стараюсь так далеко не заглядывать. Изменили мы состояние литературы или нет, станет ясно как минимум лет через двадцать. Но вот что мы точно можем сделать, так это изменить отношение автора к профессии литератора. С одной стороны, десакрализовать ее. С другой стороны, свести к минимуму эдакую «художественную самодеятельность». Истина, как водится, посередине.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН

1. Точно не гуру и не шаман. Учитель и старший товарищ... может быть. Но больше всего здесь, наверное, подходит слово «редактор». Минимум сакрального, максимум профессионального.

2. Цель очень простая – напомнить, что литература состоит из слов. Один умный человек когда-то сказал: «Я пишу словами, а не смыслами». Если я пытаюсь что-то донести до своих «студийцев» – то только это. Когда в группе есть один-два-три человека, которые согласны, что литература – это «лучшие слова в лучшем порядке», значит, результаты превзошли ожидания.

3. Это как-то слишком ответственно. Такие курсы могут помочь нескольким талантливым людям поверить в себя, найти заинтересованных читателей, научиться смотреть на свои тексты взглядом не только автора, но и редактора. Могут, наконец, стать мостиком между начинающим писателем и заинтересованным издателем. Более чем достаточно, мне кажется.

ТАТЬЯНА
БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

1. Я предпочитаю находиться в категориях «учитель-ученик», мне это представляется более эффективной моделью обучения, чем безапелляционное «гуру-неофит». Ученик может задать учителю вопрос, может поспорить с учителем, отстаивая свою точку зрения, может вместе с учителем искать лучшее решение, сам станет искать лучшее решение и похвастается им перед учителем. Учитель здесь затем, чтобы обучать, и не абсолютной истине, как гуру, но выстраданным им самим пониманием искусства письма, чтобы передать знание и навыки, которыми он обладает. С другой стороны, учитель – больше, чем старший товарищ. У учителя опыт и умения – и желание ими поделиться.

2. Я надеюсь, что это был не конец занятий для наших слушателей, потому ставила скорее промежуточную, чем конечную цель. Хотелось, чтобы к концу курса ученики стали профессионалами, чтобы у них родились хорошие рассказы. Было очень радостно наблюдать движение на пути к этому результату. Возможно, жесткий режим работы – задание каждую неделю в течение всего курса – дали слушателям основы для будущей работы, которая продолжится в будущем и уже продолжается сейчас. Так что мы еще прочитаем чудесные тексты наших бывших студентов!

3. Такого рода курсы давно приняты на Западе – практически в каждом университете есть программы по Creative Writing. На пейзаж университетского образования они уже повлияли. Редкий западный писатель сейчас проходит мимо таких курсов, либо в качестве студента, либо – преподавателя, либо и того, и другого в разные времена своей писательской карьеры. Так что состояние литературы, какое оно ни есть, несомненно, испытывает влияние подобных курсов. Что касается русской литературы – поработаем, увидим.

КСЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

1. Мастер по Creative Writing – это «чего изволите?». Некоторым нужен надсмотрщик, другим – гуру, третьим – издатель, а четвертым – чтобы подсказали, убить героя в финале или нет.

2. Программа-минимум – объяснить, что не может быть запятой между подлежащим и сказуемым и что текст не становится лучше, если без повода использовать канцеляризм и налегать на причастия и деепричастия. Программа-максимум – дать человеку почувствовать текст, себя в тексте, собственную силу. Кто-то по итогам курса говорит: «Нет, литература – это не мое, пойду в сценаристы», а кто-то: «Сажусь писать роман». Оба результата мне очень нравятся.

3. Не знаю, но это было бы прекрасно.

Проза. Выездная мастерская Майи Кучерской в Праге (декабрь 2016)

Наташа Апраксина

Арина

Темнота сгущается, плотной тканью затягивая все вокруг и ненадолго отступая под фонарями. Позади остался свет и шум людной Староместской, брусчатка под ногами звучит отчетливее в сужающейся улочке. Скучное освещение искажает пространство, дома прячутся один за другой, меняют очертания, отступают в плотную тьму.

Повернуть обратно, к свету, но здесь короче. Сейчас поворот, за ним еще раз направо и на месте.

Совсем стемнело, неровный свет фонарей подрагивает на ветру. Точно как свечи. Где поворот, пропустила? Следующий тут близко, разберусь, спрошу.

Никого, как нарочно, нет. Только стемнело и вымерло все. Может, не в ту сторону иду? Не хватало заблудиться в трех переулках. Карты нет. И телефона! Превосходно. Что я тут делаю?

Темнотища. Центр города. Запах еще странный. Горелым? Не то. Чем пахнет? Дикий край эта ваша Прага.

Все-таки горит. Зарево. Дым над ним. Какой мерзкий звук! Что за вой? Дышать нечем. Дышать.

В залитой электрическим светом комнате с наглухо задернутыми шторами поверх неразобранной постели спит, уткнувшись лицом в раскрытую книгу, рыжеволосая женщина в черном шелковом платье. Под рукой надсадно дребезжит телефон, на полу раскрытая карта Праги с прочерченными красным фломастером маршрутами и сатиновые лодочки.

Уставший телефон смолкает. Женщина поворачивается, открывает глаза и тут же прикрывает их руками, зажмурившись от яркого света. Окончательно проснувшись, поднимается и зачитывает вслух: «Палач может жениться только на дочери палача, сыновья палача станут палачами. Династии палачей, таким образом, составляют особую, закрытую касту».

Она плачет. Сначала тихо, потом отчаянно, в голос. Слезы заканчиваются так же неожиданно, как подступили. Долго стоит под душем, и только засвистевшая и загудевшая водопроводная труба, напомнив о вязком сне, выводит ее из ступора.

Телефон на кровати надывается снова и снова.

Вечер накануне Арина провела с университетскими друзьями. Они общались все десять лет, но приглашением приехать в Прагу Арина воспользовалась впервые, решение приняла за время телефонного разговора с Аней, и уже через полчаса бронировала билет. Остановиться в гостинице, чтобы не обременять своим присутствием, было для нее обычным, а собраться и прилететь в один день – такое с ней впервые.

После ухода мужа, вернее, его тайного побега, с последующим истеричным разделом имущества, она так и не оправилась. Лечилась работой, загружала себя, чтобы возвращаться в пустую квартиру с единственным желанием заснуть поскорей. Успешный адвокат, жизнелюбивая и энергичная, она не могла простить мужа, и злилась на себя за прежнее доверие к нему.

Месяц назад Арина потеряла маму, которая «мучилась сердцем», но никогда не жаловалась. «Как так можно, это же предательство. Я могла помочь, найти врачей, отправить в Германию, да что угодно сделать!» – эта мысль не покидала Арину со дня похорон.

Вечернее общение вышло нескладным, вкусный ужин в обществе счастливой пары бывших сокурсников, их попытки развлечь Арину вызвали у нее тягостное ощущение. Она наговорила какой-то ерунды, потом чувствовала себя неловко, в итоге все трое напились, но обстановку это не улучшило.

Двадцать два пропущенных. Вот так, берешь айфон в руки, а он тебе: «двадцать две упущенные возможности» или «сегодня, двадцать второе декабря, четверг. Как вы провели самую беспроблемную ночь 2016 года?».

У меня есть что вспомнить! Ночь провела одетая, напомаженная, носом в книгу, доказательством служит отпечаток на щеке, спасибо, что не типографской краской. Или провела ее в прогулке по Праге, если верить сну.

Что со мной не так? Почему делюсь сомнениями, спрашиваю совета, не боясь показаться некомпетентной, почему готова говорить об успехах и удачах с каждым, почему, почему я не могу признаться: «Мне больно!». Душа рвется, мается и плачет в поисках смысла. Но не простить и не забыть. Самым востребованным лекарством была бы таблетка для потери памяти, но где же ее взять.

Ладно. Пора на выход. Шапка, перчатки, пуховая жилетка под пальто, теплые носки, удобные ботинки, наушники. Все – черное. Когда я накупила столько черного, что оно вытеснило цветное из шкафа, – не заметила. Вот ведь.

И двадцать два неотвеченных с собой, на Вацлавскую. И городскую карту, консьерж опытный, понял, что не стоит оперировать понятиями право-лево-север-юг, лучше нарисовать поярче, и гостиницу отметить пожирнее.

Попросить его заказать столик в самом вкусном месте на вечер. Буду исправлять, что вчера нагородила. Ане набрать, извиниться.

Оделась капустой, зато тепло. Картой мне обещан день пешехода. А карты, как известно, не врут.

Быстро спускается тьма на город. Как бархатное покрывало на птичью клетку, раз – и вот вам ночь. Здесь я была. Впереди старая синагога под названием «староновая». Аудиогид равнодушно пояснил, что пока она была единственной, называлась новой, когда построили другие синагоги, ее стали называть старая новая, чтобы не заморачиваться. А в книжке для засыпания другая история, ангелы принесли камни от разрушенного иерусалимского храма для постройки синагоги с условием их возврата, когда придет время. Так возникло новое на старом. С ангелами версия выглядит надежнее.

Ангелы, если вам не лень было из Иерусалима камни носить, не поспешите, дайте знак, как выбраться, как вернуться к себе прежней?

Длинная улица, на удивление прямая, ни одного освещенного окна, свет фонарей как сквозь черную вуаль пропущенный, но впереди все-таки ярче. Вот в лесу можно направление по солнцу определять. Не пробовала, но теорию знаю. А в темном городе иди на свет, там точно жизнь, люди.

Отчетливее детали, фонари ярче разгорелись, видно, что дома все разного цвета, хватают друг перед другом фасадами.

А вот и женщина, догону, спрошу, правильно ли иду.

– Мама? Здесь? Мама!

Обнимаю маму, слышу родной запах, схожу с ума?

Мама улыбается, обнимает поверх моих рук, мама, теплая, родная, роднее нет никого.

– Мам, я сошла с ума?

Смеется, берет за руку, как в детстве, когда через дорогу переходили, мягко, но крепко, пропуская свои пальцы между моими. От ее нежности и любви тепло, спокойно и радостно одновременно.

Мы идем, поднимаемся выше и выше над городом, легкость и свободу слышу, осязаю, чувствую невыразимо и ясно.

Между домов под нами лужайка, вся в ярких одуванчиках, где бегает вприпрыжку, кружится девочка в белом платьице с корабликами по подолу. Я вспоминаю это платье. И девочку.

Вот она ближе, не видит меня, увлечена разглядыванием крупного цветка. С восторгом произносит: «Здравствуй, маленькое солнце! Здравствуй, солны!» и раскланивается во все стороны. С порывом ветра втягивает ноздрями пыльно—медовый запах и срывает самый длинный стебелек с пушистым венчиком.

«Ариша!» – доносится голос мамы. Укладываю трофей в кармашек и бегу, что есть сил, на ее зов, спешу сообщить, что только что повстречала много солнц.

Мама смеется в ответ, протягивает руку. Мы старательно обходим желтые пятнышки цветов и очень скоро оказываемся у перекрестка, мама по-прежнему крепко сжимает мои пальцы.

– Помнишь, ты смеялась, когда я говорила, что люди рождены для радости и любви, но забыли об этом?

Киваю в ответ. Для радости и любви.

Вытекает, испаряется боль, первые солнечные лучи осторожно касаются булыжной мостовой, мама прощается.

– Не уходи!

– Мне пора, и тебе пора возвращаться.

Мама улыбается и исчезает в нежном свете восхода.

Иду и я. Удивительная музыка наполняет рассветный город.

Сердечный ритм вступает и звучит все ярче в этом ансамбле.

Тщедушное декабрьское солнце смотрело в комнату через высокое окно с распахнутыми напроочь шторами. Арина открыла глаза, остатки сна и музыки растворились в солнечном преддрожественном свете. На ее ладонях звездочками темнели следы от сока одуванчика.

Екатерина Исаченкова

Гуляш

Низкие свинцовые тучи повисли над Прагой. Сквозь них пробивалось закатное солнце, отливавшее розово-бурым. Необычное свечение придавало городу тревожный и немного апокалиптический вид. Жители занимались своими делами, но их не покидало предчувствие необъяснимого и чрезвычайного.

Кассир пражского метрополитена Томаш Шпорк закончил работать. Он шел ссутулившись, рассматривая неровную брусчатку, но едва заметная пружинистость походки выдавала его хорошее настроение.

Следует отметить первую странность этого необычного вечера. Она заключалась в том, что Томаш выбрался куда-то после работы. Обыкновенно все вечера он проводил дома в одиночестве, помешивая овсянку на воде, чтобы та не выкипала.

Лишь раз в месяц Томаш позволял себе заходить в любимый ресторанчик. В доме напротив курила соседка, она крикнула ему что-то приветливое, но тот ее не услышал. Она пожала плечами: «Все-таки странный этот Шпорк».

Томаш с опаской толкнул дубовую массивную дверь, та нехотя поддавалась и приоткрылась. Шпорк огляделся по сторонам. К счастью, людей в зале было немного. Всякий раз, попадая в подобные места, он чувствовал себя крайне неудобно. В такие неловкие моменты его выручала монетка в кармане. Под любопытными взглядами официантов он съеживался, смотрел исподлобья, судорожно сдавливал монетку ногтями.

Холеная рука гардеробщика потянулась к нему. Он задумался, как снять пальто, чтобы никто не заметил прореху на подкладке. Спешно стянул его. Не хотел никого задерживать, сзади уже толпились. Вместе с пальто в гардеробе осталась монетка, а с ней и крупички уверенности. Он проследовал за официантом, который сопровождал его к столику. Парень был не так обходителен, как прежде. Наверное, почувствовал, что Томаш не оставит чаевых. Но это его не смутило, он предвкушал наслаждение самым вкусным гуляшом в городе. Всю неделю под аккомпанемент урчащего желудка он засыпал с мыслью о нем. Закрыв глаза, Томаш представлял встречу с мясным супом, пересчитывал крупные кусочки сочной говядины, рассматривал маслянистые переливы благовонного бульона в ложке, вдыхал терпкий аромат – и проваливался в сон.

Заскучавшие посетители заметно оживились при виде Шпорка, который шел осторожно, чтобы не запнуться у всех на виду. В такие моменты он мечтал стать незаметным и слиться со стенами зала. Его столик был у окна, оттуда сильно дуло. Томаш не решился попросить пересадить его в другое место, чтобы не беспокоить персонал. Запахнул потертый пиджак поплотнее и с нетерпением открыл добротное сделанное меню. Его взгляд скользил по аппетитным названиям блюд, зацепился за любимое – суп-гуляш. От мягкого нежного слова «гуляш» рот его наполнился слюной. Еще бы, ведь он целый месяц ждал этой встречи! Предвкушал островатый густой суп с запахом майорана и тмина, вязкий и теплый. Кусочки сочного мяса, плавающие в наваристом ароматном бульоне, его ни с чем не сравнимый, слегка вяжущий язык, привкус. Томаш нерешительно поднял руку и заказал любимое блюдо.

Тут приключилась вторая странность. Откуда-то, со стороны Карлова моста, раздалась женские голоса, внезапно пронзившие город протяжным истошным вскриком. Испуганный Томаш вскочил, но через секунду сел на место, ведь гуляш должны были принести с минуты на минуту. Спустя мгновение в зал вбежал испуганный официант и объявил Шпорку, что гуляш придется подождать. В горле у нашего героя пересохло, маленькие ручки беспокойно

забегали по столу, сердце забилось чаще. Томаш оглянулся вокруг, но не увидел ничего странного. Посетители жевали свои изысканные блюда, но гуляша среди них Шпорк не заметил. Лишь в воздухе пахло мясным бульоном. Он потирал большие пальцы один о другой, пытаясь успокоиться. Внезапно сердце ухнуло в пятки. Шпорка охватил животный страх. Вдруг он больше никогда не съест вкуснейший гуляш, так напоминавший мамин. Его слабое сердце не выдержит. Он побледнел, стал задыхаться и решил выйти на улицу подышать.

Шпорк грустно усмехнулся иронии судьбы: весь город насквозь пропах его любимым супом. Этот запах просачивался во все арки и сквозь закрытые окна, витал над спальными районами, обосновался в центре города, окутал памятники и соборы, прилип к набережным. За Шпорком захлопнулась дверь, и он провалился в какую-то густую жижу.

Вся Прага была во власти гуляша. Ветер срывал черепицу с кирпичных кровель и беспощадно швырял ее в гуляшные реки, течение которых смывало все на своем пути. Кубики мяса неслись на прохожих, сбивая с ног, опрокидывая живое и неживое. Неровно порезанная морковь блокировала выходы и входы. Скопившиеся кусочки картошки стали западней для жителей пражского острова Кампа. Защитные дамбы и передвижные ограждения, возведенные на набережных столицы, сначала приостановили распространение гуляша по городу. Но они не смогли устоять перед проливными ливнями, которые обрушились на Прагу. Река Влтава, ставшая коричнево-бурым мясным месивом, хлынула в центр и накрыла почти всю Малу Страну.

Томаш стоял по колено в тягучей массе и не понимал, что происходит и почему так крепко пахнет гуляшом. С неба падали мягкие кусочки с прожилками. Он запрокинул голову, вспомнив, как в детстве ловил снежинки. В рот ему упал мягкий кубик, он пожевал и понял – тушеная говядина, такая же, как в гуляше. Почему падает с неба? Он присел на корточки и зачерпнул рукой ароматную вязкую смесь. Принюхался, попробовал. «Господи Иисусе, да это же он мой родненький!» – воскликнул Томаш. Он жадно и наслаждением стал есть гуляш руками, облизывая пальцы. Внезапно огромный поток сбил Томаша с ног. Он успел только охнуть. Бурное течение, сплошь состоящее из кусочков овощей и мяса, подхватило Шпорка и понесло вниз по улице. Он проплыл мимо станции метро, где работал, успев заметить, что и она затоплена. Но, к своему удивлению, не испытал сожаления. Высокая волна, подстерегавшая в переулке, накрыла Томаша с головой. Он захохотал, как ребенок. Стремительное мясное цунами уносило Шпорка все дальше, к реке. Томаш совсем расслабился, теплые вязкие волны варева окутали его с ног до головы. Он лениво зачерпывал гуляш и смаковал каждый кусочек. От острого супа немного щипало в глазах, но все же Томаш рассмотрел коричнево-красные жирные разводы на стенах домов, темное небо в прожилках и мутный бульон, затопивший большую часть города. «Весь мир – гуляш!» – с наслаждением промурлыкал Томаш.

– Пан Шпорк, вам плохо? – официант мягко, но настойчиво теребил его за плечо. – Гуляш будет готов через пару минут, извините за задержку.

Юлия Казанова

Случай в городе Кафки

1.

Алеjandro прилетел в Прагу в конце декабря. Он взял такси до отеля, чтобы не разбираться в метро и трамваях. Про город он знал немного: Кафка, пиво, а еще Рождество. Но что аргентинцу зимнее Рождество? Для него праздник хорош, только если декабрь летом. Раньше Алеjandro встречал Рождество дома, а теперь скитался по чужим городам. «И ведь по собственной воле!» – подумал он, а такси уже несло в пражскую котловину.

2.

На закате того же дня Алиса смотрела с Карлова моста на медленно плывущую реку. Она стояла у самого парапета. Ее темные волосы были повязаны золотой лентой, а тонкая талия – поясом длинного пальто. Среди каменных праведников она выглядела маленькой святой с заплутавшим в волосах нимбом. В сумерках было незаметно, что для святой у нее довольно решительный взгляд и слишком яркие губы. Алиса наконец сбежала из офисной Москвы: ежедневное восьмичасовое высиживание за одним и тем же серым столом было невыносимо. Она верила – Прага предоставит ей шанс.

3.

Алеjandro приехал из Женевы. Он работал в банке, и его карьера шла в гору. Так что и сам он, в конце концов, поселился в горах. До Швейцарии он жил в Лондоне, до Лондона – в Берлине. Он все время брался за новые проекты, опасаясь пропустить самый главный в своей жизни. В свободное от работы время он путешествовал. В отличие от большинства аргентинцев, Алеjandro был светловолосым да еще с серо-серебряным взглядом. Эта отличительная на родине черта в горах утратила всякий смысл. В Швейцарии по нему не сходили с ума все подряд, а сам он так много работал и ездил, что разучился делать первый шаг.

4.

«Интересно, позвонит?», – думала Алиса, двинувшись по мосту. В жизни они не были знакомы. Одно время переписывались, Алеjandro сказал, что будет в Праге на Рождество. Алиса решила скопить денег и тоже приехать. Ей нравились иностранцы. Особенно ей нравилось учить их русскому, произнося неведомые заклинания, а потом слушать, как они коверкают простейшие слова. Еще можно было составлять списки чтения: Достоевский, Набоков, Бродский и все прочие, кто попадал в компанию «длинно и непонятно». Это было весело, а обычная жизнь казалась ей скучной и отрегулированной до абсурда. Поэтому она любила Кафку. «Не позвонит, хоть в городе Франца погуляю, – подбадривала себя Алиса, сжимая в кармане молчаливый телефон. – А завтра сама позвоню».

5.

Алеjandro тем временем как раз знакомился с Кафкой в номере отеля. Расчесанный на пробор писатель неподвижно смотрел на аргентинца большими черными глазами с обложки книги, лежавшей на тумбочке вместо Библии. Это был сборник записей и набросков «Ангелы не летают» на английском языке. Алеjandro открыл его и узнал, что даже люди с крыльями подвержены земным страстям. Он прочитал о холодной зимней земле. А также о вестниках несуществующих королей, которые бесконечно и бессмысленно носятся по всему свету.

6.

Алиса вошла в город Кафки через сторожевую башню. Перед ней завертелся лабиринт улиц. Темные фигуры гомонили среди домов. Конный экипаж прогремел по брусчатке, слева и справа теснились островерхие фасады, крыши отливали золотом. Алису обогнал трамвай, оставив за собой двойной рельсовый след. От проводов отскочила искра и улетела ввысь огненным метеором. «Пусть в этот раз все получится!» – загадала желание Алиса.

7.

Александро был не готов к такому карнавалу образов и идей. В погоне за фактами он вернулся в начало книги и полистал биографию Кафки. В любви Франц был несчастен и тоже не спешил действовать. Подруги Кафки так и прожили в других городах и с другими мужчинами. И все-таки, у него они были. А вот у Александро, несмотря на все его проекты, никого не было.

8.

Алиса огляделась: чудеса Старого города закончились, дома расступились, кругом бурлила Вацлавская площадь. Сумеречные тени вдруг стали реальными прохожими. Местные вышагивали по правилам моциона: почтенный глава семейства вел лиловый пуховик под ручку. Замотанные приезжие перетекали от прилавка к прилавку, на глазах превращаясь в ходячий глинтвейн. Растрепанные студенты подпирали ларьки с обратной стороны, не интересуясь их содержимым. На уме у всех была пивная.

9.

Александро тоже думал о пиве. Оно должно было спасти от грустных мыслей. В белых конверсах и клетчатой куртке – за порогом банка он мог себе это позволить – Александро вышел в пражскую ночь, сунув сборник про ангелов в карман. Около Вацлавской площади свернул в пассажи. «И здесь кусочек Парижа, совсем как в Буэнос-Айресе», – в этот раз Александро не стал противиться воспоминаниям о доме, где он никогда не был одинок. Он сел за столик кафе и заказал пиво. Александро отхлебнул разом полстакана и подумал: «Может, и в Праге можно познакомиться с кем-нибудь, кроме этого Кафки. Все-таки Рождество! Вот и Алиса говорила, что приедет». А книга между тем выпала из кармана.

10.

Алиса ускользнула от толпы в пассажи. Теперь вместо людей ее окружали кофеварки, тромбоны, афиши. Туфли стучали по клетчатому полу, пока одна из них не наткнулась на книгу. Алиса посмотрела вниз – и увидела на отлетающей обложке Кафку. Рядом сидел парень в клетчатой куртке.

– Excuse me, – сказала Алиса. Александро обернулся, услышав еще не знакомый русский акцент.

Елизавета Ракова

Франц

Улица сама приводит меня к сувенирному магазину на углу Староместской площади. Точно, старичок-продавец обещал, что к концу недели подвезут новую коллекцию магнитов с изображениями Франца. Холодный ветер пробирает до сердца, и я приподнимаю ворот пальто. Помню, в том году в Праге был такой же холодный апрель, как и сейчас. Все-таки нехороший месяц апрель, тревожный, и «скорые» как-то особенно часто проносятся мимо.

Хорошо помню, как тогда Матиас вдруг вернулся после нескольких лет отсутствия, и мы все планировали встретиться (в основном, конечно, инициатива исходила от меня), и пообещать, «catch up», как говорят англичане. В итоге, кроме как на похоронах его отца сразу по возвращении и на его свадьбе с Петрой, учительницей иврита из хорошей семьи (неожиданная дань желавшему этого союза отцу?) так и не виделись.

Потом сквозь пар глинтвейна на Намести Миру мне передали (как бы я хотела этого не зная), что Матиас регулярно видится с Клэр Стейн. Я до этого была однажды на ее концерте – длинные, даже для пианистки, пальцы, всегда вскинутый подбородок, вздернутые к вискам брови, прожигающие карие глаза. Пантера, куда там мне. Теперь уже, связав все воедино, припоминаю, что на тот апрель все ее концерты, обычно имевшие большой успех, были отменены.

Неожиданно второго апреля он сам назначил мне встречу, в десять вечера, в каком-то странном, набитом туристами кафе в Мала Стране. Якуб с детьми как раз гостили у бабушки, я осталась в городе работать. Теперь смешно вспоминать, как я тогда накрасила губы ярко-вишневой помадой и надела зеленую блузку с провокационным вырезом, прям как в школе, когда тайком брала мамин карандаш для глаз, чтобы на перемене жирно подвести им глаза – вот бы он обратил внимание.

Я села в дальний угол, как сейчас помню, под какой-то безумной картиной с изображением сатиров и полуголых девушек. Вокруг потягивали кофе ничего не выражающие серые лица. Несколько минут спустя появился Матиас, в своем неизменном тренче, с неизменной улыбкой, запыхавшийся, с взъерошенными черными волосами. Он проскользнул между столиками, и атмосфера бара моментально поменялась с враждебно-туристической на теплую, как последняя неделя занятий перед летними каникулами, когда пахнет земляничным сиропом.

– Ленка, Ленка, Ленка! Как всегда, прекрасна!

– Матиас, прекращай! – смеюсь и заливаюсь краской, продолжай, продолжай.

– Наконец-то мы с тобой встретились тет-а-тет, рассказывай, наверное, совсем забыла тут о моем существовании, пока я там прозябал под Лондонскими дождями и ел пакостную английскую еду?

– Забудешь тут о тебе! – если бы он только знал.

Я смеюсь и киваю головой в сторону соседнего столика, за которым пара средних лет перелистывает альбом с большим портретом Франца Кафки, явно купленным в магазинчике музея за углом. Невероятным сходством с великим абсурдистом Матиаса начали дразнить еще в школе.

– О господи, не напоминай! Ты хоть представляешь, каково это? Я живу в своем собственном кошмаре: в каждом переулке меня поджидает мой портрет. Хотя внутренне с Францем мы похожи только тем, что я также всю жизнь ненавидел Прагу и отца.

– Нельзя так, Матиас! Расскажи лучше, как работа инженером в бюро, после Лондонского инвестиционного банка-то? И да, как там Петра? Что вообще все эти метаморфозы значат?

– Бюро-шмюро, скука смертная, знаешь, я думал, что после смерти отца, царство небесное этому старому козлу, вернувшись, смогу решить какие-то свои детские проблемы и смогу полюбить Прагу, но мне все так же ненавистны эти готические башни, Йозефов, мосты, трамваи, вот это все, все здесь давит и душит... Но хватит обо мне, сколько там уже у тебя детей, семеро?

– Вообще-то всего двое, и нельзя так об отце, тем более об умершем...

После кафе мы идем прогуляться, и на Карловом мосту Матиас неожиданно останавливается и выдает:

– Знаешь, когда Клэр только приехала в Прагу, и меня попросили показать ей город, я выучил историю всех памятников на Карловом мосту, чтобы впечатлить ее.

Нагло кричали чайки, от реки шел густой пар, который, кажется, ядовито пах. Как непридуманно иногда мужчины заводят разговор о своих любовницах, будто новый фильм обсуждают.

– И вот этот жуткий, который пальцы тянет и смотрит так осуждающе – это Иво Бретонский, канонизированный судья, защитник вдов и сирот... Я знаю, какие слухи про меня ходят... У Клэр очень тяжелая беременность, мы на «скорой» мотались за прошедший месяц раз пять, она хочет, чтобы я все время был рядом. Боже, Ленка, если бы ты знала, а дома Петра, и я все время срываюсь по ночам к Клэр, но у Петры, слава Богу, все очень хорошо протекает, и я ей даже ничего не говорю, когда уезжаю к Клэр по ночам, когда ей плохо, это ужасно, я знаю, я все время мотаюсь через этот чертов мост, и меня рвет на части, ну, так уж вышло, так сложились обстоятельства, прости, что я все это тебе говорю, мне просто надо кому-то...

Я не знала, что тогда сказать, отчетливо было слышно, как течет внизу Влатва, кажется, только спросила: «Как, и Клэр тоже?» Хотя внутри у меня закипало, и, вероятнее всего, сначала я хотела сказать: «Ты превратился в своего отца, он бы тоже сказал «так сложились обстоятельства», или что-то в этом духе, но я просто не могла так ударить Матиаса по больному.

– Матиас, я не хочу этого слышать.

– Ленка, ну ты же знаешь, как я к тебе отношусь, ты же мне как родная, я все могу тебе доверить...

Возможно, это сказывался выпитый порто руби в кафе или количество вылитой на меня информации, но в следующий момент я уже кричала то, что, как я всегда думала, никогда не произнесу вслух, свой самый страшный секрет, как умалишенная:

– Как родная? Как родная? Ну, пойдем, родной, я тебе покажу свою коллекцию портретов, у меня ведь весь дом обклеен тобой, как в музее! Я собираю все: магниты, открытки, футболки, холщовые сумки, альбомы, потому что он – это ты, и я люблю тебя и всегда любила, а муж мой думает, что я книги Кафки так люблю!

– Ленка...

О, господи, ну и дура.

– Прости, я не знал... если бы я знал...

– Если бы ты знал, тогда что? Что тогда?

Но Матиас смотрит на свои ботинки и ничего не говорит. Неожиданно я чувствую себя такой уставшей, как будто не спала три дня. Все, что мне хочется, – это поскорее добраться до дома и лечь спать.

Дальше Матиас провожал меня до дома, и мы молчали, и на дороге видели мертвую чайку. На следующий день я собрала почти все изображения Франца в своем доме в пластиковые коробки и убрала их на чердак, кроме пары любимых магнитов. Муж промолчал.

Я по обрывкам потом соберу дальнейшую цепочку событий: где-то в десятых числах апреля Петра потеряла ребенка, поскользнувшись и упав в ванной. Она долго не могла вызвать «скорую», потому что не сразу смогла встать, а Матиас в тот момент был с Клэр, которая в итоге благополучно родила девочку.

С той встречи в апреле мы с Матиасом не виделись, если не считать, конечно, портретов Франца, которых с каждым годом в Праге становится все больше и больше, и от его лица не спрятаться нигде, даже если очень захотеть. Вот он – заветный стенд с магнитами в углу, кто-то еще рассматривает новую коллекцию, выющиеся собранные на затылке волосы. Петра?

– Ленка? Здравствуй, дорогая! – мы обнимаемся как давние подруги, я неловко прячу руки в карманы, потом снова достаю их, начинаю крутить на пальце обручальное кольцо.

– Как ты, Петра, как живешь? Все еще в школе?

– Я да, все так же, все там же. Как дети?

– Хорошо, старшего отдали в музыкальную школу, будет на фортепиано играть...

– Фортепиано это хорошо, хорошо... Ты... ты общаешься с Матиасом?

– Я? Я – нет, а ты?

– Я... тоже нет, так, знаешь, иногда натыкаюсь на него в социальных сетях... Он в Цюрихе сейчас, в инвестиционном банке работает, эта, его, с ребенком... в Америке в общем живут.

– То есть они больше не...?

– Видимо, нет.

Нам с Петрой больше нечего друг другу сказать, за магнитами придется вернуться в другой раз. Куплю-ка я лучше шарф в этой лавке, ветер забирается под ворот пальто.

Василий Юренков

Колыбельная для дракона

Станислав отрешенно смотрел в окно. На площади бесновалось чудовище. Нечто среднее между спрутом, запустившим щупальца в переулки Старого города, и вовсе уж невообразимой тварью, состоящей сплошь из нервно кишасших насекомых. Не будь Голем разбит, он убежал бы вон из Праги. Что он против такого ужаса?

Станислав принялся обреченно заматывать шарф, не отрывая близорукого взгляда от копошения внизу. С четвертого этажа открывался отличный вид на место впадения нескольких улиц в Староместскую площадь. За спиной раздался негромкий звук – это в комнату зашла мама Янека, чтобы отдать деньги за урок. Пришлось отвлечься от окна и обмениваться с ней ничего не значащими фразами. Спустившись по лестнице, Станислав на мгновение замер перед дверью подъезда, стараясь отсрочить встречу с монстром и немного унять весь день не отпускавшую его тревогу.

Вблизи, однако, морок рассеялся, явив вместо спрута людское море, совсем не страшное. Многочисленные глаза чудища оказались яркими палатками рождественской ярмарки. К ним стремились, разветвляясь и сходясь снова, едва приметные потоки туристов. Пожалуй, это могло сойти за морские течения – или за импульсы, бегущие по пучку нервов.

Не существующие при взгляде сверху, безликие на расстоянии, вблизи капельки рождественского моря обретали лица. Выходцы из всех стран азартно толкались вокруг палаток с сосисками, глинтвейном и прочими вкусностями. Рослые веселые британцы в стеганых, будто надутых, куртках, непривычно расслабленные русские с ароматными стаканчиками, смуглые южане, кутающиеся в отороченные мехом капюшоны, – все они создавали ощущение уютного Вавилончика, уже многоязыкого, но еще единого.

Ближе к палаткам ароматы специй, вина, карамели и жирных сосисок становились почти осязаемыми. Через них приходилось продирается, как через людей с их рюкзаками, сумками и подарочными пакетами. Поодаль от сердца ярмарки запахи отступали на второй план. Мелодии из окрестных кафе, вплетаясь в общий гомон, самозабвенно творили подлинный шедевр современной – такой кабафоничной! – академической музыки. Невольно заслушавшись случайными и оттого особенно прекрасными созвучиями, Станислав замедлил шаг. Его тут же кто-то толкнул и, пробурчав извинения, канул в толпу. Каплям нет дела до музыки, их интересы более низменны.

Станислав поспешил уйти с площади. От чрезмерности, нарочитости этого шумного веселья виски сдавило предчувствием головной боли – его частой спутницы в последние годы. Залитые огнями переулки тоже были полны народу, но по ним хотя бы можно было идти так быстро, как только позволяла хромота. Люди норовили задеть, задержать, отвлечь. Они раздражали вульгарностью и грубостью, но больше всего – своей бесцельностью. Зачем они все здесь? Зачем они вообще? И неужто они ничего не чувствуют?! Станислав физически ощущал исходящую от реки угрозу и категорически не мог понять, как можно игнорировать такое сильное напряжение и продолжать заниматься ерундой. Собаки были немного умнее хозяев: идущие от реки все, как одна, натягивали поводок, стараясь убраться подальше, те же, кого люди тащили в противоположную сторону, упирались, капризничали, но все равно шли, покорные воле своих господ.

Станислав надел наушники, укрывшись в музыке от беснующегося вокруг содома. Обычно он выходил играть позже, когда туристы, сфотографировав себя на фоне каждого

камня, отправлялись на поиски пива и зрелищ, но сегодня нужно заработать побольше денег. Букинист отложил книгу только до завтрашнего вечера, упустить ее после нескольких лет охоты было немыслимо. Даже занятие с Янеком Станислав перенес на два дня раньше.

Впрочем, подлинная причина спешки была иной. Всю неделю он ощущал копившееся во Влтаве напряжение – наверное, так чувствуют приближающееся землетрясение звери. Казалось, тревожно спавший в реке дракон подергивал длинным хвостом, скреб когтями по дну, готовый вот-вот проснуться и взмыть в зимнее небо, разметав наконец сковавшие его старые камни.

Так уже случилось однажды – в его первый приезд в Прагу. Каждый день вопреки душевной жары он играл на набережных и мостах, ощущая, как под звуками его флейты напряжение нехотя спадает. Но через неделю отпуск закончился. А еще через две город и полстраны затопило. Снова и снова пересматривая в новостях ужасающие картины бедствия, Станислав безуспешно пытался отогнать от себя чувство вины. Музыка не может остановить стихию! Один музыкант не может нести ответственность за жизни тысячи людей! Но голос рассудка полностью заглушался твердым знанием – даже не догадкой! – свившем себе гнездо прямо в сердце, в костях: он мог тогда спасти город. Мог. В итоге, следующий, 2003-й, год Станислав встречал уже в Праге и с тех пор больше отсюда надолго не уезжал.

Карлов Мост уже укутался уютными зеленоватыми шариками горящего газа – фонаричок как раз закончил свой вызывающий бурю восторгов вечерний моцион. На привычном месте на середине моста Станислав снял рюкзак и достал флейту. Замер, отрешаясь от людей вокруг, от ненастоящего спрута в Старом городе. Поймал едва пульсирующий в опорах моста тревожный ритм, тональность воды и ветра. Начал играть.

Музыка струилась. Плавнее. Резче. Вот прорезается лихой ирландский мотив. Из него вырастает что-то почти клезмерское и стремительно распускается джазовой импровизацией. Высокие свистящие ноты. Низкие чуть сипят. Триоли. Черета синкоп. Мелодия старается угнаться за неслышным для простых смертных аккомпанементом, нервным, злым. Унять, уговорить, успокоить.

Вокруг нескладного худого флейтиста полукругом – толпа. Многие снимают на телефоны, но никто не переговаривается, не смеется, не охает. Только звякают монеты, падая в раскрытый футляр. Безумная, нечеловеческая мелодия льется и скачет, завораживая и волнуя. Вдруг девочка лет пяти, которая слушала этот неожиданный, тревожный концерт, словно загнипнотизированная, срывается и бежит, бежит изо всех сил на тот берег, где на холме высится крепость. За ней спешат ничего не понимающие родители, окликают ее, стараются догнать. Никто из зрителей не обращает на них внимания. Никто не видит, как ее, плачущую, догоняет отец, подхватывает на руки, обнимает, успокаивает, унося ее прочь с моста. Никто не слышит, как она сбивчиво сквозь слезы говорит про беду, про спящего в реке дракона, про то, как свистит воздух меж его зубов.

Дракон под мостом ворочается во сне, дышит резче, мощные лапы судорожно дергаются, поднимая со дна тучи ила. Еще немного и он откроет глаза, расправит свои крылья. Перехватить музыку! Увести в другой, более спокойный лад – опасно, по самой грани гармонии. Сменить тональность, закрепляя успех. И замедлять, замедлять. Экзотические лады превращаются один в другой, убаюкивая дракона в реке, отгоняют от него сны, полные свободы, злой веселости и разрушения, от которых всего один маленький шаг до пробуждения.

...Уже несколько секунд, как сошла на нет последняя нота, но люди стоят, не дыша. Станислав открывает глаза и под медленно набирающие силу аплодисменты стряхивает груды денег из футляра в рюкзак, спешит скорее укутать замерзшую на ветру флейту. Люди подходят, пытаются совать монеты и купюры в руки, кидают их прямо в раскрытый рюкзак, что-то говорят, фотографируют его, фотографируются с ним.

Ужасно болит нога, шея затекла, пальцы заледенели. Сил нет. Совсем. Словно кто—то стер букву алеф¹ со лба... Бред какой! Подумается же такое! Станислав навьючивает на себя рюкзак и, не обращая внимания на докучливых туристов, бредет обратно в сторону Старого города. Добраться до кафе, упасть и греться, греться, греться. И кофе. Чашку горячего черного кофе. Сегодня можно. Может даже с куском пирога – надо будет в тепле пересчитать деньги. По виду кучи их должно хватить не только на книгу. Но насколько все же легче в этом городе, когда дракон спит спокойно! Насколько же тут лучше без этой гнетущей тревоги!..

Сквозь разошедшиеся над старинными крышами тучи выглянула яркая луна, уже почти полная. Ветер стих, даже голос реки на водосбросах стал тише. В звуке расходящихся шагов на Карловом мосту раздается звонкий голос:

– Мам! Смотри! Чайки!

Огромная стая с гвалтом летит вверх по течению. Многие чайки рассаживаются на деревянных волноломах, защищающих опоры моста, но основная масса летит дальше – к тонким стенам дамб, опутывающих реку возле Кампы. Теперь здесь можно ночевать. Дракон не проснется.

¹ Алеф – буква еврейского алфавита, первая из четырех букв, по легенде начертанных на лбу голема. Если ее стереть, голем рассыплется на куски.

Проза. Выездная мастерская Майи Кучерской в Бергамо (май 2017)

Юлия Бибишева

Брешь

За пять минут до полуночи в сумке завибрировал телефон. Прочитав сообщение, Яна выскочила из вагона, перешла на противоположную платформу и поехала в обратную сторону. Поднялась на «Площади Ленина», огляделась и заметила знакомых коллег-корреспондентов, стоявших, задрвав голову, в парке за оцеплением. Предъявила охране редакционное удостоверение, поднырнула под желтую ленту и оказалась на месте преступления.

Вместе с остальными она устремила взгляд вверх на невольного героя своей будущей заметки, бронзового вождя. В его пальто, сложенном из одного куска с хозяином («ниже спины» – на автомате деликатно сформулировала Яна для читателей), зияла существенных размеров сквозная дыра. Пахло порохом и почему-то хозяйственным мылом. У пьедестала возились, как выяснилось позже, взрывотехники. Чуть поодаль маячил сутулый силуэт директора Музея городской скульптуры. Со всех сторон очерченного событием квадрата скопились любопытные. Тут и там мелькали вспышки мобильных, выхватывая из сумерек красное знамя, собравшее под собой группку тех, кто считал себя сегодня потерпевшей стороной – судя по возгласам, не меньше, чем при развале СССР. По периметру были торжественно расставлены полицейские. Всех причастных одинаково щедро поливал дождь.

– Мокнуть еще долго, пресс-подход через час обещали, – сообщил Слава, знакомый сменовский фотограф, увешанный, как елка, аппаратурой на все случаи, включая и такой. – Им нужно осознать масштабы трагедии. Пойдем, кофе выпьем.

В кафе на углу работал импровизированный пресс-штаб. Официанты по случаю нештатной ситуации наливали кофе за счет заведения. Только сейчас вспомнив об отменившихся планах, Яна схватилась за телефон и настучала сообщение Илье: «Освобожусь поздно. Можешь подождать у меня».

– Кому сдался этот Ленин? – сказала она, приступая ко второй чашке. – Бред какой-то. Очередной.

– Кому как, – философски отозвался Слава, подливая в кофе коньяк из железной фляжки. – Я вот недавно снимал одного художника, Люблинского. Так он по Украине ездил и расстроился, что там памятники Ленину поуничтожали. Они у него ностальгию по детству вызывали. И он сделал кучу реплик, ну таких, в своей странной манере, их недавно в Смольном выставляли. Будешь?

– Хватило бы и одного, – Яна хмыкнула и пододвинула чашку навстречу фляжке. – Что в них такого? В каждом городе есть памятник Ленину.

Ближе к утру войдя в квартиру, Яна включила свет и замерла на пороге в спальню: на кровати возвышался одеяльный холм, с краю выглядывала запрокинутая голова Ильи. Его рот был открыт, широкие ноздри с тихим свистом размеренно втягивали воздух. Вспомнив через секунду, что так и надо, она взяла ноутбук и тихо прокралась на кухню.

«На реставрацию памятника после взрыва город выделит 6 миллионов рублей. Члены коммунистической партии также объявили о своем намерении финансово поучаствовать в реа-

билитации вождя, правда, средств от них пока что не поступало». Допечатав эти строки, Яна услышала за окном первый щелчок.

Профессиональный долг связал Яну с дальнейшей участью пострадавшего, и через пару дней, хрустя гравием, редакционный автомобиль подъехал к воротам загородной реставрационной мастерской. У входа Яна заметила выложенных в ряд на столе металлических двуглавых орлов. Взвесила одного в руке, он оказался довольно тяжелым.

– Нравятся? Вот и всем они нравятся, – сказал мужчина в рабочем комбинезоне и брезентовых рукавицах у нее за спиной. – С ограды Александровской колонны, у Эрмитажа которая. Туристы каждый день отрывают, а мы новых отливаем и привариваем. И так по кругу. Ну, пройдемте к пациенту.

Лежащий Ленин вблизи поражал даже привыкшее ко всякому воображение корреспондента. Необычно было видеть памятник с такого ракурса, в беззащитной позе. Обойдя его, Яна остановилась у гигантской головы и заглянула Ленину в ноздри. «Вот такое мало кто видел», – подумала она с улыбкой.

– Мы проводим химический анализ бронзы, чтобы заделать брешь материалом того же состава, – рассказывал сотрудник мастерской. – А сейчас нам нужно его помыть. Присоединитесь.

Яна взяла смоченную раствором тряпку и осторожно провела ею по бронзовому лбу.

О возвращении памятника на пьедестал Яна узнала месяца через три, уже из короткого сообщения новостной ленты. Ажиотаж спал, и силы редакции были направлены на новые важные городские события, которые, впрочем, уже мало ее волновали перед отпуском. В последний рабочий день она вышла после интервью из администрации Калининского района и отправилась в «Ароматный мир», планируя вечером отметить долгожданное погружение в информационный вакуум. Привычно потянувшись к бутылке белого полусладкого, она вспомнила про Илью и взяла сухое. «Нужно не забыть еще взять ему молока. Хорошо бы уговорить его съездить отдохнуть, а то он слишком много работает в последнее время», – такие мысли, пока она расплачивалась, мелькали у нее в голове бегущей строкой. В сумке завибрировал телефон. «Не буду смотреть, я уже пять минут как в отпуске», – подумала Яна, но вспомнила, что должны прийти деньги, и разблокировала экран. Смс была от Ильи.

«Я не приеду, совсем. Извини».

– Ну да... – медленно произнесла Яна, прокручивая в голове собственные сказанные когда-то слова о том, что уходить нужно легко. Глядя перед собой, она на автопилоте дошла до парка и присела на край скамейки. Взгляд ее уперся в гранитный пьедестал. Посмотрев выше, она увидела знакомого, уже совершенно целого и вертикального Ленина. Его рука была поднята в знак не то приветствия, не то напутствия с указанием направления, в котором нужно идти. Пальто поблескивало на солнце, превращаясь в наполнившихся глазах Яны в мутное светлое пятно.

Рядом, но как будто с параллельной телефонной линии, раздался голоса.

– Вова, шелкни меня тут!

– Надь, нашла, с чем фоткаться! В каждом городе есть памятник Ленину. Идем скорей к Эрмитажу.

Дмитрий Головин

Фурор

Полковник, румяный и свежий, словно белый налив, впустил собою прохладу улицы. Высокий, широкий вдоль и поперек, в каракулевой папахе – знал, какое впечатление производит, и это ему нравилось. Протопал, не спрашивая разрешения, прямо к столу, сунул Косте пакет с красной полосой наискосок с надписью «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ», прижал пальцем к столу уведомление:

– Распишитесь в получении.

– Ой, что это? – воскликнул Костя дурашливо, но посыльный был невообразимо серьезен:

– Откройте и узнаете.

– А вы не знаете? – спросил Костя и, почему-то застыдившись, расписался перед розовым крепким ногтем. Полковник резко забрал бумагу, словно боялся – не отдадут.

– Нам не положено, – бросил с видимым превосходством, развернулся со стуком каблучков и вышел, унеся запах свежести с собой.

В телеграмме было приглашение Быкову Константину Владимировичу, Председателю Антикоррупционного предпринимательского Комитета, прибыть на Круглый стол, проводимый Комитетом по внутреннему законодательству Совета Федерации РФ, посвященный теме «...борьбы с проявлениями коррупции при проведении тендеров...». Выступление предполагалось. Проезд и проживание оплачивались.

«Мейл-то не судьба была выслать, – зло подумал Костя, – верного полкана гоняют. Чего им не резвиться на наши налоги...»

Примерно полгода тому назад по Костиному заявлению закрыли зама Главы Администрации города. Тот через подручного попросил «помочь деньгами» Благотворительному Фонду, созданному как раз для сбора денег под благовидными предлогами – ну, на благие же дела! Костя рассказал об этом однокласснику Леше – ныне Алексею Леонидовичу, подполковнику ФСБ. Подручный оказался жаден и глуп – наболтал под запись статью себе и шефу, а главное – согласился передать деньги под контролем. Хлопнули обоих. Шеф до суда чалился в СИЗО, помощник бухал под подпиской, Леша стал героем, известным в узких чекистских кругах. У Кости местные СМИ взяли несколько интервью, дивясь его смелости и безрассудству. Чиновники города Костю прокляли, при встречах стали обходить по широкой дуге. Поскольку его бизнес от них никак не зависел, Костя вздохнул с облегчением. Телеграмма означала: «Родина слышит, Родина знает», как Константин в одиночку страдает, – видимо, звали за печеньками. Их общественную организацию заметили на самом верху. Не на самом-самом пока, но уже близко.

Москва встретила, как всегда, слякотью и хмурым размытым небом без солнца – сколько головой не крути, не догадаешься, где оно. Поехал сразу в Совет Федерации – величественное здание, сжатое со всех сторон. Пропуск заказан. Рамочный металлоискатель, обязательный шмон охранниками с каменными лицами. Звериная властная серьезность во всем. «Где они таких церберов, интересно, берут? Наверное, в детстве из семей изымают. А родителей убивают – чтоб ничего человеческого не осталось», – подумалось Косте. Его и еще нескольких «борцов с коррупцией» в мятых костюмах, при галстуках, встретил холеный молодой человек, представившийся Олегом Алексеевичем, помощником Петра Александровича – Самого! Костя с досадой оглядел себя в зеркало – мокрые с дороги ботинки, не очень новый оранжевый пуловер, купленный по случаю революции в Незалэжной, наконец пригодившийся. Выгля-

дел его наряд не очень уместно. Люди в костюмах начали совать помощнику визитки – он ловко собрал их мягким небрежным жестом, не предложив в ответ свою. Повел всех по коридору, высланному красной с болотной каймой ковровой дорожкой. В целом, Совет Федерации не поражал – интерьер был во многом советским, добротным, но без изысков. Дизайнеров здесь не очень-то, видимо, слушали. Помощник был узок в плечах, широк в талии, в модном, в облипочку, пиджаке – вообще, имел округлые женские формы, довольно увесистую задницу и Х-образные жирные ноги, тершиеся со звуком при ходьбе. Навстречу из кабинета вышла смуглая девушка на каблуках, в коротком деловом костюме, открывавшем восхитительные колени. Ее лицо излучало профессиональную приветливость.

– В малом зале? – на ходу спросил помощник.

– Да, в одиннадцать подойдет, – журчащим голосом откликнулась она. Милая.

В зале расселись вокруг огромного стола согласно заранее установленным табличкам с указанием фамилий. Костя обменялся визитками с соседями. Место во главе было не занято. Табличка перед ним обозначала, что здесь будет сидеть Петр Александрович – Глава Комитета, он же председатель собрания. Сидящие приглушенно, как у постели больного, разговаривали. Многие были знакомы. Костя молча черкал в блокноте, готовя выступление.

Откуда-то сбоку в сопровождении помощника появился Сам – породистый мужчина с волевым, будто рубленным лицом, смутно знакомым по телевизору. Помощник обвел зал внимательным взглядом, словно прикидывая, можно ли доверять. Заботливо придвинул кресло начальнику. Тот сел, сдвинул державно брови, сказал краткую речь о важности системной борьбы с коррупцией и успехах государства в этом направлении. Чем больше он говорил, тем больше невысказанных возражений возникало у Кости. Какие успехи?! Системная борьба – это как?! Чем она отличается от несистемной?! И почему настоящих борцов с коррупцией обыскивают, сажают и убивают, а разговаривают только с послушными, демонстрирующими лояльность? Он пытался успокоиться, чувствуя, что начинает закипать.

Начались выступления. Присутствующие исполняли привычный ритуал – жаловались и просили. Жаловались на безденежье, засилье местных чиновников, их пренебрежительное отношение к общественникам, просили подкинуть гранты, выделить помещение, оказать содействие, открыть федеральное финансирование, изыскать средства из внебюджетных источников и тому подобное. Мелькало «принято решение о принятии обращения», «силами неравнодушной общественности», «областные власти в целом одобряют», «необходима поддержка федерального центра». Иногда председатель делал еле уловимое движение в сторону помощника, сидевшего чуть позади него, и что-то тихонько ему говорил. Тот склонялся заинтересованно, кивал, записывал.

Костя все больше психовал. Чем дольше шло заседание, тем яснее он понимал, насколько подготовленное им не состыкуется с их форматом, как нелепо он будет выглядеть. Тут не будут обсуждать реальную борьбу, не похвалят за реально посаженного коррупционера. Здесь просят. Смотрят снизу вверх и – просят. Нижайше, показывая свою зависимость, имитируя лояльность и начальстволюбие, выпрашивают деньги на свою никчемную «борьбу», а верней – на ее имитацию. Ну, скажет он правду, которую все и так знают, «держат в уме», которая им не нужна – тем более, здесь, вслух. Ведь для реальной, не для отчетов, борьбы с коррупцией надо менять кучу принятых этой же властью законов и подзаконных актов – а кто этим будет заниматься? Чиновники же?! А им это зачем? Чтоб с них спросили по полной?! Нее... Эти будут держаться до последнего. Недаром ментов РосГвардией назвали и зарплаты им поднимают. Кого и чем он тут удивит?! Кого заставит хотя бы задуматься? Запишут в лучшем случае в сумасшедшие. И больше не пригласят. Да плевать. Пусть не думают.

Прозвучала его фамилия. Костя смешался. Как начать? Сказать «Друзья!» – когда это он с ними успел подружиться? «Коллеги» – денег у власти с ними тоже не выпрашивал. Товарищи? Господа?

– Спасибо за предоставленную возможность выступить, – начал он. – Прежде всего, скажу, что наше собрание – имитационное и ненастоящее. Потому что в случае серьезности намерений здесь должен присутствовать представитель Фонда Борьбы с Коррупцией Алексея Навального, а его, как я понимаю, нет. Скорей всего, даже имя его запрещено упоминать, но видите: я громко говорю – Навальный! Навальный! – и стены не рушатся.

Костя сделал вдох. Он видел, как страдальчески сморщился помощник, вопросительно глядя на председателя. Тот молчал, как памятник.

– Ваша борьба с коррупцией стала бизнесом для окол властных общественников, – продолжил Костя, обведя присутствующих взглядом, – и заключается в выпрашивании денег на жжесткую, якобы непримиримую имитацию борьбы. Причем деньги должны давать те же, кого вы собрались избличать. На полном серьезе в отчетах вы пишете о количестве заседаний, конференций и круглых столов, посвященных борьбе с коррупцией. Самим-то не смешно?! Все же просто: сколько коррупционеров закрыто по вашим заявлениям? – он снова обвел взглядом сидящих вокруг, замерших, смотрящих в стол. – Просто поднимите руки, у кого есть посадки, разоблачения и хоть одна звездочка на фюзеляже, – он сделал паузу. Ждал, что сейчас на него завизжат. Прикажут прекратить цирк, вызовут охрану и вытолкают в зашей. Председатель так и не оттаял. Об его лицо можно было колоть кирпичи.

– Понятно. Ненастоящие летчики, – дыхания не хватало, сердце колотилось, он намеренно хамил, провоцируя всех. Молчание висело пеленой. Его не прерывали. Глубоко вдохнул и, боясь сорваться в фальцет, продолжил:

– Это касается не только обсуждаемого закона, который не работает, потому что сделан в угоду начальству, а не для улучшения экономики. Это касается всего государственного устройства – у нас все ненастоящее. Ненастоящий суд, который судит по понятиям, а не по закону, ненастоящий Парламент, избираемый по согласованным спискам, ненастоящая полиция, действующая как воровская шайка, ненастоящее здравоохранение, которое пишет бесконечные отчеты вместо того, чтобы лечить людей. И – да. Мы – тоже ненастоящие борцы с коррупцией. А самое гадкое – то, что в нужном месте будет поставлена галочка о том, что мероприятие проведено, а реальная борьба так и не начнется. И это самое горькое...

Костя замолчал, переводя дыхание. Его потряхивало. Дверь приоткрылась. В зал проскользнула та милая девушка. В ее руках был поднос с чайным прибором. Каблуки замшевых туфель глухо стучали во всеобщей тишине. Костя будто во сне смотрел на вздрагивающий при ходьбе край ее юбки. Наклонилась, продемонстрировав ровные ножки приятной полноты, поставила приборы перед председателем. Тот величественно кивнул. Девушка вышла, неся поднос перед собой, как драгоценность. «Пялит, поди, ее во все дыры» – неприязненно подумал Костя.

– У вас все? – спросил Сам, глядя в пространство над Костиной головой.

– Ну... В общем... Да. Все.

– Спасибо за выступление, – невозмутимо произнес председатель и объявил следующее выступление. Мумия.

Костя сел. Дальнейшее он помнил смутно. В ушах звенело. Потом начала болеть голова. Звуки доносились, словно через вату. Костя злобно черкал в блокноте, пытаясь успокоиться. Когда все, наконец, закончилось, кто-то из пиджаков, сочувственно хлопнув его по плечу, спросил, идет ли он на банкет. Костя только вяло махнул рукой – без меня. Пообедал в столовой на нижнем этаже, не чувствуя вкуса, постепенно приходя в себя. С немного кружащейся головой вышел на улицу, с наслаждением вдохнул сырой воздух. Побрел в сторону метро.

На углу стояла будка чистильщика обуви. Самого чистильщика не было видно – только мелькали его руки, обрабатывающие ботинок, показавшийся Косте знакомым. Он поднял глаза. Перед ним, усмехаясь, стоял Олег Алексеевич. Стоял, как хозяин жизни, гордость нации,

пуп земли русской – таким презрением и жалостью к Косте и таким, как он, был преисполнен его взгляд, что Костя не выдержал.

Одним прыжком оказавшись рядом с будкой, он с размаха пнул чиновника в удобно отключенный зад, оказавшийся неестественно мягким.

И голова сразу перестала болеть.

Инна Каудерс

Благое дело

Миа переступила порог и вдохнула пряный воздух – где-то в доме готовили обед, и экзотические запахи специй просачивались в приемную. Эрик чихнул, Миа улыбнулась и взяла мужа за руку.

– Добро пожаловать, мистер и миссис Ольсен, – пожилая женщина в строгой одежде указала на диван с узорчатыми подушками. Преподобный отец сейчас на прогулке с детьми, они скоро вернутся – вы можете подождать здесь. У нас все готово, мы познакомим вас с мальчиком, о котором мы говорили. Я вынуждена удалиться, но на столе вы найдете напитки и газеты. Вы можете также выйти в сад, если не побоитесь Мумбайского солнца, или сесть в тени на террасе.

– Не беспокойтесь, мы подождем, мы не первый раз в Индии, – Миа налила два стакана воды, Эрик толкнул тяжелую резную дверь. На террасе и правда было не слишком жарко, и они присели на скамейку в углу, в тени магнолий. Миа разглядывала сад, густо засаженный неизвестными ей кустарниками и розовыми цветами.

– Мне кажется, это анемоны, помнишь, как в той детской песенке: «День так полон цветов анемоны, песни птиц наполнили кроны...»

– «А ночью появляются демоны», – продолжил Эрик.

Какое-то время супруги сидели в тишине, разбавленной шумом воды в глубине сада. «Наверное, там – фонтан», – думала Миа. Эрик уткнулся в экран телефона.

– Напиши, пожалуйста, SMS Кристине, что мы доехали, и все в порядке.

С Кристиной они познакомились пару лет назад в маленьком итальянском курортном городке. Энергичная общительная старушка сдавала им квартиру и вызвалась показать город.

– Вы обязательно должны посетить базилику Святой Марии, – настаивала она. – Там крестили меня и моего брата, знаете, он стал католическим священником и уехал в Индию, где, волей Бога, руководит приютом для детей-сирот.

Миа и Эрик уже не помнили, когда возникло желание усыновить ребенка: когда Кристина рассказывала про бездомных индийских детей, или когда их девочки покинули родительский дом... Теперь, вне сомнений, оно не могло быть реальнее: они здесь, в приюте, и от заветной цели их отделяют две подписи и месяц ожидания документов. И будут Миа, Эрик и сын. И девочки, конечно. «Наверное, стоит поменять ему имя на европейское, – думала Миа. Так будет всем удобнее».

– Кристина ответила, Миа, – сообщил Эрик, – она позвонит брату и попросит поторопиться.

Приглушенный звонок мобильного телефона нарушил гармонию сада. Миа прислушалась к раздраженному мужскому голосу, просачивавшемуся сквозь колючие заросли:

– У нас распорядок дня, Кристина, они ждут. Мы не можем работать быстрее, даже учитывая твои пожертвования – я их трачу на детей, видишь ли, а не на персонал. Ты хочешь все за меня решать, как это делала наша мать? Я вообще не понимаю, зачем ты их постоянно присылаешь: что ждет индийских детей в Европе? Они же никогда не будут своими, Кристина. Я? А что я? А кто тебе сказал, что я рад, что меня усыновили, и что одинокая жизнь священника мне по душе? Причем вообще я – и католики? Кроме того, что это был проект нашей матери? Да останься я в Индии, у меня было бы уже семеро своих детей – бедных, но своих. И все равно я в итоге живу в Индии, заметь. Я все сделаю как обычно, Кристина, не волнуйся. Да, я знаю, так будет лучше для детей.

«Слава Богу, что Эрик не понимает итальянский», – подумала Миа, и присмотрелась к мужской фигуре в глубине сада. Это был не кто иной, как пожилой индус в сутане католического священника, говорящий по-итальянски. Не так представляла она себе брата Кристины. «Видимо, уверен, что никто его не услышит, а если услышит, – не поймет».

Далекие детские голоса наполнили пространство, и разговор стал невнятным. Миа услышала еще несколько резких, почти ругательных итальянских слов, и звуки смешались.

Дверь на террасу открылась, строгая женщина появилась на пороге:

– Надеюсь, вы не слишком долго ждали, мистер и миссис Ольсен. Входите, пожалуйста в приемную. Преподобный отец Риши будет с минуты на минуту. «А Кристина говорила, что его зовут Альберто», – почему-то вспомнила Миа. Голова у нее закружилась. «Вероятно, от жары» – решила она.

– Простите, пожалуйста, – неожиданно для себя выдохнула Миа. – Моему мужу стало плохо на жаре, мы вынуждены срочно вернуться в отель, и придем завтра.

Эрик удивленно посмотрел на жену, но поспешил выйти за ней на раскаленную улицу, не успев закрыть за собой входную дверь. Они почти мгновенно прошли квартал, и остановились только возле отеля.

– Что случилось, Миа?

– Мне необходимо подумать.

– О чем? – скандинавское спокойствие начало покидать Эрика.

– Ни о чем, дай мне передохнуть, пожалуйста. Мне нужно выпить воды, – Миа растворилась в стеклянных дверях отеля. Эрик остался снаружи. «Надо бы вернуться обратно, – думал он. – Сказать, что придем чуть позже».

А в это время за углом, за металлической сеткой ограды вдруг перестал работать фонтан. Два кудрявых мокрых мальчика лет пяти склонились над насосом:

– Я же тебе говорил, что его легко выключить, – гордо говорил один другому, – нужно просто вытащить его из воды.

– Давай побыстрее включим обратно, а то отец Риши будет ругаться, – забеспокоился другой.

– Не будет. За мной приехали родители, и он пошел им про меня рассказывать.

– Что рассказывать?

Мальчишки опустили насос обратно в воду, но вода не спешила снова литься из фонтана.

– Ну, что я умный и слушаюсь. Он предыдущим тоже это говорил, но они куда-то делись.

– А они точно приехали? Он сейчас не вернется? Смотри, вода не течет, сломали все-таки...

– Точно. Я сам видел: сидели на скамейке, белые такие, как камни в фонтане.

– Да, вот... А ты – черный.

– Я – не черный. Я – коричневый.

Алина Костриченко

Сказка о всадниках

*А ночью время идет назад,
И день, наступающий завтра, две тысячи лет как прожит;
Но белый всадник смеется, его ничто не тревожит,
И белый корабль с лебедиными крыльями уже поднял паруса;*

Ночью в поезде время идет назад: бесконечно мелькает черный лес, и каждый стук колес стряхивает годы. Чем глубже летняя ночь, тем светлее северное небо, и мы встречаем рассвет, не успев распрощаться с закатом.

*«...и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему
венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить».*

Розовеет Площадь Восстания, уходит в сияющую перспективу Невский. У нас здесь несколько ночей и единственный план: познакомить Женю с городом. С Литейного выворачивают белоснежные сытые кони, роняют ароматные дымящиеся лепешки, гордая полиция – черная кобура и лихие фуражки – вальжным дозором обходит владенья свои. С наших плеч сваливается первая печать – печать суеты Москвы. Мы замедляем шаги и беремся за руки. Цветочницы гремят белыми ведрами, опрыскивают букеты, и душный запах белых лилий причудливо сплетается с запахом свежего навоза.

*«...Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру
в руке своей».*

Сияет рябь Фонтанки, безудержна мощь вороных, сбросивших черных всадников, блещат черным потом их чугунные мышцы. Зажмурившись, мы обнимаемся, кружимся посреди Аничкова моста и бежим за кофе и сабами с тунцом – «...серый хлеб, все овощи, да, с острым перцем, сырнй и кисло-сладкий, пожалуйста...» – это специальная еда для шести утра, когда вы всю ночь не спали и совершенно счастливы. Печать тревожности растворяется как-то сама, сердце с облегчением вздрагивает и начинает биться быстрее. Я-то знаю, что ждет нас за углом: канал Грибоедова – вот он уже, вот – и я сильнее сжимаю твою руку.

*«Пленила ты сердце мое, сестра моя. Стан твой – как пальма, волосы
источают мирру и отливают золотом, персты же твои – как виноградные
кисти, длинные и прохладные».*

Мои же пальцы уже почти не ноют от кольца всевластья, которое сковывало мою волю, разум, душу и сердце десять долгих лет. Я сбросила его полгода назад, но все еще не привыкла, и днем шалею от безмерной свободы, а по ночам плачу от одиночества. Твоя же история только начинается: она на десять лет отстает от моей.

Мы завернули, – Женя охнула и зажмурилась: самый красивый храм этого мира, вдруг вот он, как есть, предстал в утреннем мареве. С детства, с первой встречи, я гоню от себя мысль, что Александр II погиб не зря, но она каждый раз возвращается. Перегнувшись через парапет канала, мы жуем наши сэндвичи.

До открытия храма еще три часа. Мы заглядываем на Дворцовую площадь поздороваться с атлантами. Моя первая любовь! Они потрясли меня четверть века назад, когда я еще не умела читать, но уже отличала древнекитайские иероглифы от древнеегипетских – результат месяца, прожитого с мамой в Эрмитаже летом перед первым классом. Благоговейно прижималась я

носом к черным щиколоткам и нежно гладила огромные каменные пальцы. Всю зиму потом я передавала через маму им приветы, и вздрагивала при виде фотографий, где холодный белый снег припорошил горячие черные ступни. Впрочем, мама мне рассказывала, что они закаленные, потому что по ночам бегают по очереди освежиться в Неве, размять затекшие руки.

Крошками от наших бутербродов мы кормим голубей у Александровской колонны и идем заселяться в наш хостел на Гороховой, которую школьная программа навеки связала с диваном и дырявым халатом. Но мы не поддаемся соблазну: чай в термос, душ – и мы готовы гулять.

– Девчонки, го вечером в клуб? – на хостельной кухне мы знакомимся с веселым саксофонистом из Челябинска, который живет тут уже восемь месяцев, днем играет на улице, вечером тусуется на заработанные деньги. Почему не ищет себе отдельную комнату? А зачем, тут всегда весело, компания, вот вы, например, пойдем, там будет клевый джем. Но мы тут вдвоем, и в новых знакомствах не заинтересованы.

К Спасу-на-Крови подходим к открытию. Проводим пальцами по причудливым изгибам решетки Михайловского сада. Берем два студенческих.

«Да прильпнет язык мой гортани моему, аще дерзну изреци всю красоту сего храма!»

Я впитываю каждый камешек его мозаики, надеясь каждый раз, что на какое-то время мне хватит этой манны небесной – ну а потом можно приехать за новой дозой.

Разинув рот, мы обошли все по десятому кругу и осели на пол у колонны левого придела перед «Благовещением». Здесь архангел летит к Марии с пустыми руками, без цветов, но обязательные лилии, символ непорочности, уже расцвели вокруг Нее, белая смальта оживает под знойным палестинским небом и, кажется, даже пахнет тем душным сладким запахом, который нас преследует с самого утра.

– А чем отличаются все эти херувимы, ангелы, архангелы? – спрашивает меня Женя, глядя в шестикрылых серафимов над алтарем.

Я начинаю рассказывать про девять чинов ангельских, но познания мои оказываются разрозненными и несистемными. Открываем с телефона Википедию:

«И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет». Откр. Гл.4:6 —9:

—Исполнены очей... – задумчиво несколько раз повторяет Женя.

—А ты читала «Апокалипсис»? Это откуда вообще.

—Нет, давай почитаем?

Мы загружаем текст, забиваемся дальше в угол, вокруг ноги туристов, теплое и пыльное красное ковровое покрытие, на нас никто не обращает внимания.

– «...И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь».

Мы тихонько читаем по очереди все главы: звезды небесные падали на землю, а небо скрывалось, свившись, как свиток. Величественные и прозрачные в своей эпической отстраненности образы выключили нас из реальности. На 8-й главе мой телефон разрядился, и мы перешли на Женин. Она свернулась клубочком, уткнулась носом в колени, гладит мои пальцы.

«...И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя „смерть“; и ад следовал за ним».

Альфа и Омега, начало и конец: рухнула Вселенная, погасли светила, вечер опустился на город. Пошатываясь, мы вышли из закрывающегося музея. На улице неожиданно тепло и тихо – мир, на удивление, еще стоит, но кажется не очень надежным в призрачном свете.

Падаем на круглую скамейку перед храмом. Как ни странно, мы здесь совсем одни – в центре Питера в теплый августовский вечер. Последние Петры Первые и Екатерины Вторые уходят ужинать в «Столовую №1» (мы слышим обрывки их диалога). Тихо целуемся. Ультрамариновая дымка окутывает мир, храм уже еле различим. Никто не подходит к нашей скамейке. За решеткой сада бесшумно проходит бледный всадник, мы вздрагиваем, потом разглядываем фуражку. Печать тишины упала: теперь мы слышим цокот копыт, потом разрозненный хор гулких призывов на ночную прогулку по рекам и каналам. Все пять органов чувств постепенно возвращаются к нам, – и только тут мы осознаем, что с утра ничего не ели.

Лениво потягиваясь, встаем со скамейки, и я обнаруживаю в полуметре от нас букет белых лилий: семь крупных цветов на одной ветке, подарочная упаковка, белая ленточка с завитками. Благая весть! Фантастичность появления букета из ниоткуда органично вписывается в этот день, и мы не задаемся ненужными вопросами, мы просто хватаем его и бежим в «Штолле» за капустными пирогами. Светлый деревянный уют кафе заполняется душистым ароматом наших цветов, а живот сводит от запахов выпечки.

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Взяв кофе, выходим на набережную и бредем в сторону Исаакия. Смеемся: «А нету, тетя, такого музея». Огненно-рыжий в свете прожекторов Медный всадник, воинственно горящий шлем собора. Мы плетемся, уставшие, счастливые, взявшись за руки, еще поворот, еще – вот и наш временный дом. Скрипит древний лифт, куда с трудом втискивается наш букет, пахнет сыростью и квашеной капустой. В номере мы ставим лилии в ведро, раздобытое в подсобке, в узенький проход между двухэтажными кроватями и садимся на широкий подоконник встречать уже совсем близкий рассвет. Светла Адмиралтейская игла, розовы крыши, радостно молчание. Мы забираемся на верхний ярус под одеяло, и я впервые за вечность засыпаю без слез.

Мария Середа

Берег

Если лепесток олеандра разорвать пополам, послюнить, и приклеить к губам, получится красная помада. Она показала, как. Тогда Тема придумал делать слезы из мелких белых цветочков, а Сережа прилепил на веки листы подорожника, выставил руки вперед и сказал, что он зомби. Все дети сразу забыли про слезы и помаду, стали бегать по пляжу с зелеными заплатками на глазах. Катя села на белую корягу, вросшую в песок, достала из пакета вспотевший абрикос.

Низкое солнце путалось в неряшливой олеандровой роще, лезло сквозь пустые окна в руинах турбазы. Толстая женщина с алыми складками на шее с хлопком встряхнула яркое полотенце, пошла полоскать купальник в прибое. Пахло йодом, чаячьим дерьмом, смолой и арбузной корочкой.

Кате было пятнадцать, господа присяжные. Она скучала. В абхазской деревне, в недавно отстроенном доме, жило несколько семейных пар: умные, совсем еще не старые взрослые, друзья ее родителей и тетки. Еще прошлым летом ей было тут весело, – от моря, развалин, дикого винограда, бродивших по дорогам пятнистых поросят. Но что-то сломалось за зиму, и теперь она везде себя ощущала лишней.

Ему было тридцать четыре, и он впервые – пока еще под благовидным предлогом – проводил отпуск без жены, удравшей в экспедицию на Камчатку. По утрам, когда, позавтракав вместе со всеми на веранде, он садился на велосипед и уезжал на весь день, ему казалось, что семейные друзья завидуют его свободе. Вечерами, когда, уложив потомство спать, все собирались на скамейках под эвкалиптами, и его просили взять гитару, он понимал, что все они по настоящему счастливы и жалеют его за одиночество.

Он почти не замечал ее и пару раз по ошибке назвал Олей, потому что она была похожа на свою тетку. Но однажды, рассеянно взяв в руки книжку, которую Катя оставила на пляжном полотенце, он обнаружил, что это сборник рассказов Набокова. Это удивило его и насмешило, ему захотелось разговорить ее, чтобы она начала рассуждать заумно, притворяясь взрослой. Но, когда Катя вернулась после купания, серьезная, худая, с мокрым кончиком косы, прилепившимся к лопатке, он неожиданно смутился и заговорил с ней только вечером, по пути с пляжа, и совсем без насмешки.

Между ними завязалась дружба. Они бродили вечерами и днями вдоль моря, по наполовину заброшенным поселкам и пересохшим руслам ручьев, и он говорил с ней, аккуратно подбирая слова и постоянно напоминая себе, что его даме всего пятнадцать – о любви, рыночной экономике, литературе, свободе, Боге, антивеществе, агностицизме и христианской морали. Он держался галантно и чуть насмешливо. Она горячо спорила, смеялась, старалась казаться взрослее и научилась почти небрежно опираться на протянутую руку, когда они поднимались на высокие скальные уступы.

Специально ли он сделал так, чтобы она в него влюбилась? – спросите вы, господа присяжные. Этого вам никто не скажет наверняка. Но не сомневайтесь, что он переживал за эту одинокую и слишком рано повзрослевшую девочку. Не желал ей зла и хотел помочь. Но то, что происходит между двумя людьми, не всегда является простой суммой их намерений.

Однажды утром обитатели домика собрались после завтрака ехать в соседний город на праздник. Он решил весь день кататься на велосипеде и рано исчез. Катя, дойдя вместе со всеми до автобуса, вдруг сказала тетке, что хотела бы остаться и почитать в тишине, – ее отпустили. Между ними не было ничего условлено – но, мне кажется, Катя точно знала, что

он вернется. И он, вернувшись, тоже не удивился, что нашел ее с книгой в гамаке перед притихшим домом.

Он взял стул и сел рядом. Она посмотрела на него спокойно и без кокетства. Он начал было говорить насмешливо про выбранную ею книжку, но быстро остановился. Отвернулся, посмотрел на дом. И когда он снова взглянул на Катю, и они улыбнулись друг другу, он почувствовал, что все между ними совершенно ясно, что ее возраст и его возраст – это глупые условности, и что само море разрешило ему протянуть руку и медленно вынуть обрывок зеленого листа, застрявшего между пальцев на ее ноге. Качнулся гамак, и мир качнулся. Еще один взгляд, еще одна секунда над пропастью, – он взял ее на руки и понес в дом.

Вы должны знать, господа присяжные, что в тот день Катя была счастлива. И на следующий день тоже, – когда он все утро не входил из комнаты, а она сидела с детьми на пляже, вспоминая вчерашний день, ночь, его куртку на песке и светляков, наслаждаясь своей тайной, своей головной болью, своим дурным настроением. Что с тобой, Катя? Плохо спала?

Когда он вышел к обеду, Катя заметила (потому что не с возрастом приходит к женщине способность видеть), что, несмотря на веселость, он взволнован, ловит ее взгляды украдкой, и что – может ли такое быть? – он боится ее. Она ушла гулять с книгой, он нашел ее через час, и, заглядывая ей в глаза, спрашивал, хорошо ли она себя чувствует. Она утешала его, сидя в кольце его рук, и тогда впервые он показался ей растерянным и немножечко жалким. Катя не могла понимать этого, господа присяжные, но почувствовала: на что же опереться ей в этом странном мире, если даже этот огромный, со щетиной, испуган и слаб?

Через две недели, накануне отъезда, в конце особенно жаркого дня, они брели вверх по широкой тропе, взбиравшейся вдоль края утеса. Она – на полшага впереди. Оба молчали. Море уже дышало по-вечернему ровно, неряшливые тени эвкалиптов падали с обрыва. Они сели на теплом камне, и Катя сказала:

– Грустно уезжать.

Он тут же заговорил, обрадованный – о том, что будет навещать ее в Н-ске, и что через два года ей непременно нужно поступить в Москву, и что он поможет ей устроиться. Она улыбалась и смотрела ласково. Он казался ей противным и трогательным – его бледное веснушчатое тело, всегда чуть жирное от солнцезащитного крема, волнистые светлые волосы, собранные в хвост, романтическая борода, запах сигарет, невидимые белые ресницы. Уже неделю она не подпускала его к себе, – и ее отказы он принимал печально и безропотно. Но теперь, когда он, ободренный взглядом, положил руку ей на колено, она не прогнала его, – только прикрыла глаза. Ей казалось, что так надо, потому что больше они не увидятся.

Бог его знает, что с ним происходило, господа присяжные, и как он мог не видеть, что отвращения на ее лице было больше, чем нежности. Но он уложил ее бережно на прохладный песок, долго целовал ее шею и плечи, и ему казалось, что он ее наставник и защитник, и вроде бы он даже шептал ей, что все будет хорошо. Но то ли из-за этого шепота, то ли потому, что кровь так громко стучала у него висках, он не услышал, когда она попросила его остановиться: сперва тихо, потом громче – и наконец, почти закричала: «Хватит!» Он тут же отпустил ее, испуганный, и она села, поправляя волосы и одежду.

– Муравьи искусили спину, – сказала Катя, не глядя на него. Он тяжело дышал.

Она отошла и села на край скалы, свесив ноги. Он щелкнул зажигалкой у нее за спиной. Они долго сидели так, а потом Катя увидела рядом с собой его длинную тень.

– Не сиди на краю, – попросил он. – Дай руку.

Я подняла руку, но не обернулась, и ему пришлось сделать несколько шагов к краю обрыва, чтобы дотянуться. И тогда я встала, ухватившись за его ладонь, а потом резко шагнула в сторону. Он потерял равновесие, вскрикнул и полетел.

Когда я прибежала вниз, его уже нашли – без сознания, но живого. Я плакала, рассказывая, как он споткнулся о камень, как пытался удержаться за край обрыва. Никому не пришло в голову усомниться в моих словах. Мне дали валерьянки и уложили в постель, но я не спала. Мы ждали вестей от тети Оли, которая поехала с ним в больницу и осталась там на ночь. В пять утра пришла смс-ка о том, что он пришел в себя. В восемь тетя Оля позвонила из больницы: переломы обеих ног и позвоночника, сотрясение и частичный паралич – есть надежда, что временный. Он спрашивал обо мне: не сильно ли я испугалась и все ли со мной в порядке.

Вот и все, господа воображаемые присяжные. С тех пор прошло десять лет, я больше никогда его не видела. Но знаю, что он, хотя так и не встал с инвалидного кресла, разошелся с женой, снова женился и завел детей. Я решила рассказать все это, потому что давно заметила: записанное на бумаге всегда превращается в неправду. Я бы хотела, прочитав эти страницы через несколько лет, удивиться, загрустить и подумать: а что если и правда никто ни в чем не виноват?

Мария Цюрупа

Крыша, девушка, реквизит

Нормальные туристы еще спали в своих гостиничных номерах, а я уже шел по брусчатым улочкам с тяжелой ноутбучной сумкой на плече. В сумке были крайне необходимые вещи: нож, двухлитровая бутылка воды, лаваш и коробка яиц. Я спешил на свидание. Я волновался.

Войдя в сырую подворотню, я решил свериться с бумажкой, полосатым тетрадным обрывком, который со вчерашнего полудня жег мне карман. Кроме адреса – адрес был тот – на бумажке уверенным почерком значилось: «Крыша утр. Девушка брюн. интелл. Реквизит: кофе, яичн., селфи-палка, чашка 2 шт., рубашка клет.». Мечта, правда? Девушка. Брюн. Интелл.

Со своей предыдущей девушкой (шат., истер.) я расстался две недели назад после невнятных разборок. В чем-то я там был недостаточно решителен, с женщинами робок, не звезда – смысл примерно такой.

Честно говоря, когда я решил не сдавать свой билет и все равно ехать на море, я немножко фантазировал на тему курортного романа. В расплывчатых мечтах мне рисовался пляж, и прибой, и девушка неопределенной внешности – пожалуй, брюнетка, – а потом дождь, и мы целуемся на пляже под промокшим зонтиком, и я накидываю ей на плечи свою рубашку в клетку. В общем, курортный роман я представлял себе довольно смутно и почти на него не рассчитывал: и с девушками я знакомился не очень бойко, и даже рубашки такой у меня никогда не было.

Я встретил ее в первый же день на пляже. В бирюзовом бикини она вынырнула из морской пены, ухватила меня за плечо маникюром, и мою спину – жутковатое ощущение – зашекотали ее длинные ярко-рыжие волосы.

– Давай с тобой сфотографируемся, – без предисловий сказала она. – Смотри сюда, выше. Ну, улыбку победителя!

Совершенно растерявшись, шурясь от воды, стекавшей по лицу, я послушно ухмыльнулся в занесенный над нашими головами телефон.

– Алиса! Боишься крабов? – закричал кто-то загорелый у пирса.

– Отлично! – одобрила кадр незнакомка. – Ведешь инстаграм? «Букинист-кафе» у входа в парк через час. – И затерялась среди купальщиков.

Удивительное дело, подумал я. Почему-то ее слова, такие безупречные по форме, прозвучали крайне неромантично.

«Букинист-кафе» оказалось весьма приятным местом. Все, как я люблю: широкие столы, запах кофе, стопки старых книг по стенам. Но свидание шло наперекосяк.

– Всем хочется клевых фоток из отпуска, – объясняла она. – Море, закат, девушка... Хочется, так? А девушки и нету. Вот, именно это я и продаю. Услуги сценариста, фотографа и... ну, реквизита. Несколько серий отпускных фоток для инстаграма с девушкой твоей мечты. Полная конфиденциальность. Какие именно серии – да по желанию. Кому ближе шашлык, кому турнир по теннису.

Я ошарашенно кивнул, глядя на морковно-рыжий узел волос на ее затылке. Она вдруг рассмеялась.

– Да ты не бойся! Это парик. Твоя девушка будет выглядеть совершенно иначе. Ты увидишь, как сильно можно изменить банальное лицо с правильными чертами – вот, как у меня – с помощью косметики. Итак, сценарии. Айтишник? Программист? – тогда нужно что-нибудь

интеллигентное. Предлагаю завтрак на крыше. Еще можно ужин на пляже (красиво, закат), потом океанариум, в кино, поход в пещеру. Что думаешь?

Честное слово, я почувствовал себя польщенным.

Не то чтобы я хотел сочинять себе фальшивую историю в соцсетях, нет. Хотя, с другой стороны, показать бывшей – и всем – что никакой я не валенок и прекрасно справляюсь и без нее... И потом, если я откажусь, моя новая знакомая развернется и исчезнет в пене морской, откуда появилась. Этого я ни в коем случае не хотел допустить.

– Алиса? – уточнил я.

– Ты что! – она презрительно махнула рукой. – Это было так, для роли. Я Нина. Давай подпишем контракт.

Так я обрел разом и клетчатую рубашку, и Нину, девушку моей мечты, и горячий завтрак на крыше, и первую серию фотографий: мы в обнимку на фоне моря, мы в обнимку на фоне крыш, Нина и джезва, я и яичница, мы смеемся и тянем кофе из белых старбаксовских чашек. Стрижка, может быть, и парик – думал я, – но уши-то настоящие. И щеки. И руки (на этот раз никакого лака). И голос, и шея, и форма спины.

– Откуда ты узнала про рубашку? – спросил я.

– Элементарно! Двадцать пять процентов программистов мечтают о девушке в мужской клетчатой рубашке.

Увидев выражение моего лица, она прыснула, чуть не выронив чашку.

– Прости. Мне очень неловко, но это правда.

– Какого цвета у тебя волосы? Если по-настоящему.

– А вот этого, – она приняла комично строгий вид. – Тебе знать не обязательно.

Солнце уходило за море, световое время стремительно шло к концу. Закат горел в полосе облаков, в морской ряби, и даже белое вино в бокалах горело оранжевым. Мы сидели на пляже, закапывая босые ноги в песок. Прядь черных волос была заправлена за Нинино ухо, и я, болтая о чепухе, клонился все ближе к этой пряди, уже почти касался ее носом. Нина сделала легкое движение мне навстречу. «Ведь запах тоже настоящий», – подумал я, закрывая глаза. И тут раздался щелчок, и пляж озарила вспышка.

– Здорово! – весело сказала Нина, глядя в телефон. Отличный кадр. Все, уже почти темно. По домам.

– Ты знаешь, – сказал я на выходе из океанариума, – я не хочу в кино.

– Почему? – удивилась Нина. – Уверен? Я делала этот сценарий с пятнадцатью процентами клиентов, и обещаю, что будет красиво. Если взять цветной поп-корн...

– Да ну его, – махнул я. – Пойдем просто посидим где-нибудь.

Нина задумалась, глядя то ли на меня, то ли сквозь.

– Хорошо, – согласилась она вдруг. – Пойдем в чебуречную.

В чебуречной я предложил ей встречаться, и был отвергнут.

– Ты пойми, – объясняла она, жестикулируя жирной салфеткой, – Для меня это просто способ заработка. Два-три проекта в неделю, со всеми романтичные фотографии, селфи-вино-чебуреки (чебуречная – это тоже стандартный сценарий, с досадой подумал я). Восемьдесят – представь, восемьдесят – процентов участников подкатывают ко мне потом с похожими предложениями. Что же мне теперь, с каждым встречаться? Ну как ты это себе представляешь? У меня совершенно другие планы и совершенно другая жизнь. На тебя просто действует обстановка, которую, заметь, мы вместе тщательно под твой вкус выбирали. На меня она не действует давно, иначе как бы я смогла работать? Погоди, я сейчас.

Нины не было рядом, когда зазвонил ее телефон. Движимый, вероятно, сюжетом дрянной мелодрамы, я отложил чебурек и принял звонок. Сначала в трубке молчали (молчал и я), а потом веселый девичий голос произнес:

– Эй, Женька, ты где? Тебя ждать сегодня? Але? Слышишь? Жень?

– Не Нина и не Алиса, – подумал я. И сам удивился, как не понял этого раньше.

Мы сделали несколько кадров на склоне горы, несколько – на фоне пещерных наростов при свете тусклых рыженьких фонарей. Мне хотелось заплакать.

– Я люблю тебя, – сказал я.

– Мы же договаривались, – вздохнула Нина. – Не надо. Ну, пожалуйста.

– Надо, – я был уверен, как никогда. – Ты – девушка моей мечты. Я тебя люблю. Давай встречаться по-настоящему.

Она сделала шаг назад и сказала строгим, почти незнакомым голосом:

– Конечно, я девушка твоей мечты. В этом и был план. Брюнетка Нина, девушка мечты программиста Ильи. Со мной настоящей ты не знаком. А Нины завтра уже не будет. Проект окончен.

– Женя, – сказал я. – Я тебя люблю.

Она посмотрела куда—то мимо меня и улыбнулась рассеянной улыбкой:

– Женя? Как ты можешь быть уверен?

Никак. Алиса, Нина, Женя, Аполлинария Кузьминична. Никак.

Мы молча, сердясь друг на друга, дошли до выхода из пещеры. У меня был последний аргумент.

– Послушай, – сказал я. – Я ни одной фотографии не выложил в сеть. Ни одной. Мне они не нужны. Мне нужна ты.

Она смотрела в песок. Потом подняла на меня пустой, безжалостный взгляд.

– А таких среди вас процентов сорок, – сказала она.

Проект действительно был закончен.

На следующий день я пришел на пляж поздно, часам к десяти. Песок уже нагрелся, началась жара, пахло водорослями, солью и грилем из ресторана. Мирно шумел и плюхал прибор, предлагали мороженое, вдали жужжал водный мотоцикл.

И тут я увидел ее. Босая, в платье до пят, с длинной русой косой шла она по полосе прибор, держа под руку следующего – загорелого бородатого мужика с гитарой на плечах.

Злость сменилась вдруг вдохновением. Я широко улыбнулся и, движимый непонятным мне самому импульсом, вытащил телефон и пошел в воду – к двум девушкам, прыгающим в волнах.

– Привет! Сказал я им без предисловий. Давайте сфотографируемся.

Я поймал ее взгляд, удивленный и пронзительный, и понял вдруг: что-что, а это я сделал первый.

Роберт Ягафаров

Беби—бум

Беда к Мышкино не подкралась незаметно. Она извещала о своем приближении каждый день, а в особенности каждую ночь, когда в округе стихало, и мост жалобно скрипел всеми усталыми пролетами, словно предупреждая о неизбежной кончине. Мост был деревянный и ветхий, последний раз его чинили давно, «на олимпиаду», как говорили в деревне.

«Грохнетя, как есть грохнетя», – часто просыпаясь от этого печального скрипа думал Иван Степанович Макеев, местный председатель, с тоской прикидывая, что ждет его Мышкино без моста: до райцентра, по нему два локтя по карте, надо будет делать большой крюк по грунтовке на Шишмарево, откуда на тот берег утром и вечером ходит паром. И там еще автобусом полтора часа по шоссе, не наездишься...

И вот теперь, когда мост смыло весенним паводком (слава Богу, ночью прихватило), все его невеселые опасения стали сбываться.

Хуже всего было то, что денег на новый мост в районе даже не обещали.

Полдня он провисел на телефоне, прося, ругаясь и уговаривая – все было бесполезно. Заверяли, конечно, что поставят в план, но ссылались на отсутствие средств и отрицательный прирост населения Мышкино, из-за чего строить новый мост было бесперспективно.

Остаток дня он проходил в дурном настроении, по мелочам придираясь ко всем, кто попадался под руку.

– И куда опять мимо кормушки насыпали? – раздавался с коровника его сердитый голос, – из-за таких вот, рождаемость и падает, попасть не можете!

– Вот как их рожать заставишь? – пожаловался он вечером жене, – Войны нет, всего вдоволь, еще и материнский капитал дают, так нет, ходят болтунцами...

Супруга Ивана Степановича прищурилась.

– У бабы Гали-травницы средство для этого дела есть. Как Мишку Зуева прошлым летом на элеваторе прищемило, так она быстро его отпоила, жена, вон, опять беременна ходит.

– Каждому же в рот не зальешь, – махнул рукой Макеев, – половина мужиков бортничает, медом промышляет, только на выходные в деревне и появляются. Тут чего бы придумать... а, чего?

– А ты сам к Орехову съезди, – присоветовала жена, – к Николай Николаичу, что у нас депутатом был, он там в начальниках нынче, поможет, поди, своим-то...

До Шишмарева Ивана Сергеевича довез водитель их ЗИЛка шустрый коротыш Валентин, известный в деревне ходок и сердцеед, постоянно влезавший в какие-то блудни, и много раз битый чужими мужьями. Отлежавшись пару дней после очередной взбучки, он не унывал и вновь тащил кого-нибудь в свою кабину, что после последней покраски и некстати выпавшего града, приобрела устойчивый целлюлитный вид.

В Шишмарево Макеев сел на паром, а Валентин, пообещав быть к вечеру, двинул обратно.

Орехов, все такой же бодрый и громогласный, встретил его приветливо, но денег на ремонт моста тоже не дал.

– Не проси, Иван, и не обессудь. Слышал я о вашей беде, но все фонды на этот год уже раздали. Будем думать, конечно, но у нас три села в районе нужно дорогами связать. Для меня сейчас каждый свободный рубль как Нобелевская премия!

– Крепкий ты насчет копейки стал, Николай, – поджал губы Макеев, – прям как за свои, словно миллионщик какой...

– Зря ты, так, – обиделся Орехов, – ты пойми, Иван, у вас по переписи с полсотни домов всего. И живет, дай бог, человек полтора, да и то с собаками. И убыль каждый год. А по нормам мост населенному пункту положен, если в таком прирост населения имеется. А где он в вашей заброшке-то?

Всю обратную дорогу от Шишмареево Макеев расстроено молчал. На попытку Валентина отвлечь его от грустных мыслей рассказами о своих удачливых викториях, раздраженно бросил в сердцах:

– Ты б, Валька, женился лучше, детей завел! Вот чего ты все по бабам носишься, как савраска? Одна гульня у тебя в голове!

Валентин, чувствуя момент, не спорил. Да и что тут скажешь, жениться ему, если честно, и в самом деле было пора.

Макеев тоже замолчал, но ненадолго.

– Откуда я им этот прирост населения возьму? – не выдержал он, – Если все сейчас на шиворотку стало. Молодые даже на танцы не ходят, с наебуками своими дома сидят, хлеб на дерьмо перегоняют... Может на подстанции договориться, свет им пораньше вырубать?

Валентин вдруг встрепенулся:

– А помнишь, Степаныч, как Зойки-телятницы сын, что в Алжире инженерил, про арабов рассказывал? Чего они у себя придумали в шестидесятых?

– Нет, вроде, а чего?

– Да, тоже голод, нищета, – не до детей было. Вот, и надумали они тогда... – он достал из пачки папироску, ловко подкурил, пару раз втянул дым и начал открывать окошко.

– Да, говори ты, Валь, не томи! – взмолился Макеев, – чего они сочинили—то?

– А то и сочинили, Иван Степаныч, что аккурат посреди ночи поднимался их муэдзин, попов помощник, на минарет. Башня у них такая возле церкви-мечети. А как поднимался, так и орал что есть мочи с балкона:

– Вставайте, мол, граждане арабы, любите друг друга, пришло времечко!

Председатель задумался, стараясь осознать услышанное.

– А орут, говорит, они там, что твой Шаляпин. – Продолжал Валентин, попыхивая папироской. – Аж сами себе уши затыкают. Хочешь, не хочешь, а проснешься. Ну, а проснулся, так и того... Через год арапчат у них народилось, как в море рыбы.

Макеев посмотрел на Вальку и недоверчиво покачал головой:

– Тю... да у нас даже церкви в деревне нету, не то что минарета.

– Минарета нет, – согласился Валька, – да и не прокатит у нас такое. Ходить, будить, да в ухо орать? Так сам в ухо и выхватишь, всем работать спозаранку...

Макеев сидел молча, что—то напряженно обдумывая.

– В выходные если только, – продолжал рассуждать Валентин, – так опять же все после бани выпившие дрыхнут, хрен их разбудишь...

– Точно! – подскочил вдруг председатель. – Выпившие! Придумал, Валька!

– Баба Галя... баба Галя!

Баба Галя, кряхтя, выбралась из кровати, сунула ноги в тапки и дотопала до окна. И кого там бес принес посреди ночи?

За окном, среди кустов смородины, показалась кудрявая голова Вальки.

– Чего орешь, недотыка? Опять фонарь на кавалерке навесили?

– Да, не ругайся, ты, баб Галя, дело у меня к тебе... личное...

Спустя полчаса Макеев опасливо нюхал содержимое баночки, что вручил его запыхавшийся помощник.

– Большеголовник это с петрушкой, травка-заманиха и еще чего-то... – докладывал Валька, довольный, что участвует в таком важном деле, – ложки на бутылку хватает, прове-

рено... Мишка Зуев лечился, говорил, через час коряга шумит – будь здоров! Он остаток в овощник выплеснул, так ему потом кроты весь огород сдуру перерыли, копать не надо было...

Надька-самогонщица, привычно достала с полки жестяную воронку с ручкой, как вдруг ей с улицы почудилось какое—то легкое скребыхание. Подойдя к окну, она отодвинула шторку – никого. Надька взгляделась в темноту и на всякий случай звякнула воронкой.

– Только посунься! – пригрозила она в форточку невидимому посетителю, – живо кипятком-то обварю!

Постояла еще немного, вслушиваясь в тишину ночи, потом плотно прикрыла шторы и достала из-под раковины ящик с пустыми бутылками. Со вздохом подхватила и поволокла на терраску. А затащив внутрь, подняла голову и обомлела: окно на улицу наполовину было открыто, тюль аж парусом выгнулась. Надька ахнула, в два прыжка закрычила окошко и метнулась в угол, где, накрытый чистой мешковиной, стоял свежий первач.

Славтегосподи – обе фляги, алюминиевые, пузатые, каждая на пятнадцать бутылок, были, на месте. Обычно она столько не выгоняла, но впереди были майские праздники, и Надька знала, что скоро все деревенские мужики потянутся за ее забористым продуктом.

Успокоившись и перекрестившись, она вставила воронку в первую бутылку и, открыв крышку фляги, зачерпнула ковшом прозрачной, с синим отблеском влаги...

– Да вы мой яблонь цвет! – Орехов так орал в трубку, что Макеев отодвинул ее от уха. – Вот это новогодний подарок! Первое место в области по рождаемости! Теперь насчет моста даже не думай, построим лучше прежнего. Да и школу вам подремонтируем, раз такое дело!

Председатель в ответ скромно помалкивал.

– Але, Иван, слышишь? Вчера с Москвы репортер звонил, приедет к тебе статью писать, про этот ваш... как его... про беби-бум. Так ты уж прими его как надо, посели, угости...

– Сделаем, Николай, – заверил Макеев и ухмыльнулся, – угостим, даже не сомневайся...

Санёчек

Доброго здоровьичка, веселый час, Александра моя дорогая, сестрица далекая! Привет тебе шлю от всех наших, деревенских. И от кумы твоей Светланы Тихоновой, и от Ероховых с Зуевыми и даже от Митрича, соседа нашего бестолкового, что спит, ярыга, как обычно, выпивший.

Посылку твою я получила, за которую и благодарю тебя несколько раз. Все подошло, все пригодилось, и кофта, и гостинцы. Напиши потом только, что было в синей с оранжевым коробочке, а то мы со Светкой съели ее с чаем и батоном, а чего ели, так сами и не поняли.

А вот тебе и наши все новости.

Валька Чернов тот, что за бригадировой дочкой волочил, женился-таки. Надька-почтальонша его пузом в загс затолкала, а сейчас ходит вся из себя важная, брови ниточками, будто и не гуляла летом с теми шабашниками, что крышу ей крыли.

А Дарька Симонова обратно в деревню вернулась. Год прожила с тем армянином-ресторатором, что на юге познакомилась, и назад. Каждый выходной на каблуках по кафе с ним ходила, он ей и «Ладу-Приору» купить обещал, а все равно вернулась, не смогла жить в золотой клетке. К тому же вышло, что и не ресторатор он вовсе, а реставратор. Реставратор обуви, сапожник по-нашему. Это она на юге его недопоняла, когда у моря котейли пили.

Еще ребята наши молодые ходили к луговским драться. Мишке Окулову дробью ногу прострелили, участковый теперь по домам ходит, пугает их уголовкою.

Одним словом, все у нас так-то хорошо, а тебе пишу, потому как ты мой, что ни на есть лучший человек. А нахожусь я сейчас, Санечка, в растрепанных чувствах, поскольку история тут у меня случилась, ты уж прости и не ругай...

Короче, слушай, я рассказываю: как померла баба Нина наша, так мне соседка ее и позвонила с города. Мол, приезжай, кремировали уже, да забери прах-то, шибко просила покойница, чтоб дома похоронили.

Что ж поделаешь, хоть и далекая, а родня, нет уж никого больше. Собралась я тогда в день, с автолавкой договорилась, она меня до города добросила. Добралась до соседки, чаю с ней попили, поплакали, забрала я в банке из-под кофе, что от баб Нины осталось, да домой и двинула.

И сел в обратную дорогу со мной в электричку попутчик. Молодой такой довольно мужчина, приличный с виду, видно, что образованный. Журнал дал полистать, чаю предложил и, ну, как-то слово за слово, мы с ним и разговорились. Все он про Дмитровку нашу спрашивал, да интересовался.

И, вот, словно помстилось мне тогда, но только всю дорогу я ему про нашу заброшку и рассказывала. Дескать, и озерина у нас с кувшинками, и поля кругом, и лес в гору.

Знала бы что он мне устроит, так скочью бы рот себе заклеила! Уже домой пришла, сумку открыла, смотрю, нету! Кошелек украл, пролаза, да и бог бы с ним, (двести рублей всего и было), так ведь еще и банку вытащил, куда соседка бабу Нину ссыпала.

В общем, ты, Санёчек, не суди, как прочитаешь, а лучше дай совет единственный – чего мне теперь делать-то. Я, ведь, уже и на кладбище с председателем договорилась... Может, думаю, и впрям банку пустую там захоронить, перед соседями уже неудобно.

Ладно мне, заканчивать буду, вона уже Митрич, хорюн беззадый, за бутылочкой потрясся, к восьми значит. Ты только отпишись поскорей, сестрица дорогая, а то сердце так и обливается. Всю неделю хожу и думаю, как сидит тот поганец и бабу Нину нашу с песком-сахаром пьет.

За этим, целую тебя крепко и кланяюсь,
Сестра твоя любимая Валентина.

Онлайн-курс Анны Старобинец «Проза для подростков». Дети 11—13 лет. Мастера: Ирина Лукьянова и Ксения Молдавская

Елена Белоусова

Ведьмасенс

1551 год, Московское государство, деревня Суцевка близ Ржева.

– Ведьма, истинно ведьма, и на коровку мою порчу навела, ажно ходить не может, – взахлеб рассказывала бабка, стоя у маленькой избы. Вокруг столпились суровые мужики и упершие руки в боки крестьянки.

– А у меня она кота увела. Околдовала, ведьма! Ко мне он теперьма и не ходит! – пожаловался кто-то из толпы.

Из избы все это слушала пожилая женщина, споро собирая в мешок нехитрый скарб. На лавке сидела девочка лет восьми, одетая в дорогу: замызганные сбитые лапти, старенький и уже коротковатый ей сарафан, кожух, явно предназначенный для взрослого.

– Баб, а баб, а что люди деят? – спросила у бабушки испуганная девочка.

– Ничего, внуча, – ответила женщина, сунув внучке в руки мешок. – Ты в лес ристи, да меня не жди, в город путь держи. Поняла?

– Да, баб, – ответила девочка и шустро сиганула на задний двор – выход огородами был оттуда.

Женщина осталась и встала в сених, глядя в щелку, как толпа все больше волнуется. У некоторых уже появились вилы и цепи. Ей бежать было бесполезно – стара она для такого, зря только внучку выдаст. Она смотрела и знала: они пришли сюда не из-за тощей яловой коровы, которую хозяйка ни в грош не ставила, и не из-за кота, который сам ушел от стервы, что его никогда не кормила и домой не пускала, потому что «для чего животинку без прока кормить, авось сам себе мышь споймает», и даже не из-за дара, тайного умения, о котором никто к счастью не знал. Они пришли потому, что она непростительно долго прожила, и они решили это поправить.

Она не станет им мешать. Сейчас, когда Стоглавый Собор призвал всех людей гнать «ведьмино семя», хранить в семье Дар стало смертельно опасно. Не только нажитым добром – жизнью можно поплатиться, коли мир обвинит тебя в чародействе. Вот почему ее внучка, ее кровиночка, бежала сейчас в город одна, и в помощь ей была не вся мощь Дара, а только искорки и крохи, невольно просыпавшиеся на нее, пока бабушка ей пела, рассказывала сказки, учила собирать и применять травы.

Дар, добровольно отпущенный ведьмой, беззвучно лег в землю – ждать наследницу.

2011 год, Тверская область, город Ржев

– Только сейчас, только для вас, именитый экстрасенс дает представление в родных краях! – кричали—надрывались объявления со всех заборов города.

Вероника поморщилась. Какие родные края? Отсюда еще ее пра-пра и так далее, короче, еще прабабушка переехала. Но про именитого экстрасенса ей понравилось.

Скоро премьера – снятое на время представлений помещение должно окупаться. Конечно, основное представление вела мама – все эти яркие, хоть и старые фокусы, – но гвоздем программы была Вероника с ее «магией и телепатией».

По малолюдным улицам вечернего Ржева Вера дошла до служебного входа в бывший школьный спортивно-актовый зал, сейчас наскоро переоборудованный в театр одного актера. Нет, скорее уж в цирк одного фокусника. Веронике не очень нравилась ее работа, но маме нужно помочь вести семейное дело, да и ничего другого юная Вера пока не умела.

Сразу за служебным входом была гримерная и склад реквизита. Вероника вздохнула, глядя на свое отражение – было бы куда проще, если бы природа наделила ее жесткой мистической внешностью. А что делать с темной кожей, мягкими губами, аккуратным чуть вздернутым носиком и вьющимися рыжими волосами, которые красить Вера категорически не хотела? Налепив на нос искусственный, более острый кончик и нанеся на лицо штукатурный слой белой пудры, Вера начала расчесывать и прилаживать длинный черный парик. На сцене мама закончила серию фокусов и объявила:

– А теперь – выход экстрасенса!

«Эх, если бы! Экстрасенс и шут – разные вещи, мама!» – подумала Вероника, но все-таки вышла. Для начала мама вытащила квадратный ящик размером с чемодан, из которого лилась негромкая музыка. Зрители откровенно зевали.

– Как вы видите, ящик абсолютно пуст, – показала Вера ящик, – а сейчас... – Вера сделала несколько пассов, и из специального отверстия полилась вода. Несколько людей приподняли головы. – Но как я заставила воду литься, так я могу и приказать ей течь обратно! – воскликнула девушка, заглушая звук усилившейся музыки. Вода потекла назад. Девушка раскланялась. Люди заплодировали. Вера выдохнула – осталось прочесть мысли подсадной утки, и на этом все. С дебютом.

2011 год, Тверская область, деревня Сущевка Ржевского района

Девушка смотрела в окно машины и думала, зачем мама потащила ее в такую глушь. Почему маман решила, что деревенские Сущевки воспримут представление на ура? Наверное, мать Веры и сама этого не смогла бы объяснить, но она четко знала – им туда.

Вере дорога не подарила надежд – серая, скучная, с убогими избами без намека на тот славный домик в деревне, который показывают в рекламе. Казалось, даже овощи на огородах таких унылых домов должны расти серые и квадратные. И местные жители пейзажу под стать – нет, может, не совсем зомби, но точно усталые и хмурые. И кто тут может радоваться фокусам? Но делать нечего – мама договорилась с какой-то дальней знакомой, им уже мастерили сцену, а ехать пришлось сразу в гриме «страшной черной ведьмы».

Вот и нужная деревня. Их ждали – местные оборачивались вслед со смесью скепсиса и суеверного страха. Что-то вроде: «Да какой из тебя экстрасенс, ведьма?»

Собрался народ, мамину часть публика приняла без восторга. Верину в этот раз начали с подсадной утки, все той же маминной подруги. Никто не заинтересовался – трюк стар, как мир. В конце, вместо хотя бы жидких аплодисментов, послышались там и тут крики: «Да это и мы можем!» и «Подсадная!» Вера зарделась. Положительно, это было одно из самых паршивых представлений в ее короткой карьере – однако, «шоу должно продолжаться».

Она перешла к проверенному трюку с водой и звуком. Мама выкатила ящик, спустилась и дистанционным управлением запустила воду, а Вера изящно развела руки, и... Под тяжестью наполненного водой реквизита халтурно сколоченный местным умельцем помост развалился – и Вера летела, летела на острые обломки... и если прямо сейчас ничего не сделать, то она в лучшем случае сломает руку. А в худшем... От страха девушка разжала пальцы, давая всей силе страха идти от сердца вниз, вниз, вниз, смягчить боль, спасти ее!

Толпа мертво молчала. Девушка приоткрыла глаза – и тут же зажмурилась. Она висела в воздухе, почти в метре над обломками. Вера медленно опустилась и бросилась к маме, прижалась к ней. Люди смотрели на нее, как на уродливую гиену, готовую в любой момент броситься – со страхом и отвращением.

Мама молча довела Веру до машины, завела мотор и насколько позволяла дорога выжала газ. Дальше, как можно дальше отсюда, от страха – своего и чужого. Вера сжалась в комочек на заднем сиденье, а в ее сознании звучала колыбельная, передаваемая в их роду с незапамятных времен:

Живи, не тужи,
Никогда не ворожи...

Теперь – не сможет.
Да и не захочет.
Девочка вновь бежала из Сушевки, забрав наконец прабабкин Дар.

Владимир Корякин

Обыкновенный понедельник

Иван Артемов, майор полиции, сидел в своем кабинете и пил кофе. Понедельник такой плохой день! Так не хочется работать! Залезть бы сейчас в постель, укутаться одеялом и заснуть... Хотя бы не возиться с этими бумагами, а поехать куда-нибудь, провести расследование, и то поинтересней было бы.

В комнату вошел сержант Морозов:

– Товарищ майор, у нас новое дело. Полковник настоял, чтобы Вы лично им занялись.

– Что за дело? Опять кто-то угнал велосипед? – в его голосе слышалась легкая ирония.

– Это убийство в подъезде многоквартирного дома.

– Убийство?! – майор с любопытством почесал лысину.

– Все материалы о деле вот в этой папке. – С этими словами сержант положил папку на стол и вышел из кабинета.

Ну, посмотрим, что тут у нас: «17.10.16., Степан Владимирович Романов был убит в подъезде дома по адресу: Волгоградский пр-т, д. 123. Он работал в местном отделении полиции. Об убийстве сообщил Андрей Васильевич Тараканов посредством телефонного вызова в 22.47. Врачи постановили, что убитый скончался от ножевого ранения, нанесенного сзади в левый бок. При осмотре одежды в заднем кармане штанов нашли клочок бумаги».

Артемов порылся в пакете для вещественных доказательств и извлек оттуда маленький клочок желтоватой бумаги. На нем было надписано от руки: «Кирилл Петрович Ежов, квартира 2». Майор продолжил читать: «Во время обыска в квартире Кирилла Петровича Ежова под входным ковриком нашли нож с каплями засохшей крови». Майор снова протянул руку к пакету и достал из него старинный клинок с серебряным лезвием и красивым камнем посередине рукояти. Налюбовавшись кинжалом, Артемов прочитал показания жильцов:

Андрей Васильевич Тараканов, 5 этаж; заявил об убийстве:

«В тот день я был в гостях у моего друга. Может ли кто-то это подтвердить? Да, конечно, вот номер моего друга. Я возвращался домой под вечер, уже стемнело, а в подъезде у нас все никак не вкрутят лампочку. Вот иду я, набираю код, открываю дверь, вхожу и вдруг... Это было ужасно! Я споткнулся обо что-то, лежащее на полу, а когда осветил, то увидел, что это Степа... Мы ведь с ним друзьями хорошими были, всю жизнь на одной лестничной площадке прожили! В детском саду еще познакомились! Оба за ЦСКА болели, ни одного матча не пропускали! Кто это мог сделать? Не знаю. Он был общительным и добрым человеком, со всеми в подъезде дружил. Никто из хорошо знавших его людей не сделал бы этого. Разве что кто-нибудь из новоселов... Были ли какие-то предметы? Нет, не было ни орудия убийства, ни каких-либо других вещей. Только весь первый этаж был заляпан кровью. На лестнице следов крови не было – видимо, убийца по ней не поднимался».

Кирилл Петрович Ежов, 1 этаж; подозреваемый:

«Этим вечером я был дома, смотрел футбольный матч по телевизору. Может ли кто-то это подтвердить? Нет, один я был с Бобиком. Ничего не слышал, матч напряженный был. „Спартак“ – ЦСКА – это тебе не хухры-мухры, вот я и сделал погромче. Ха-ха! Как наши-то „коней“ разгромили! Комментатор чуть голос не сорвал, когда им Глушаков в девятку положил! Знал ли я убитого? Нет, я ведь только пару недель как переехал, ни с кем еще познакомиться толком не успел. Как окровавленный нож оказался у меня под ковриком? Не знаю... Плохо я помню тот вечер... Выпил я немного, ну, в честь победы, понимаете. Но нож этот

не мой точно, я его первый раз вообще вижу. Да откуда мне знать, почему в кармане убитого оказалась бумажка с моим именем и номером квартиры!!!»

Артемов внимательно прочитал показания несколько раз и почесал свою лысину. Через пять минут они с сержантом Морозовым уже мчались по Волгоградке на служебной машине. Морозов сосредоточенно вел машину.

– Что, едем арестовывать Ежова? – спросил он.

– Не нужно торопиться. Сначала уточним кое-что. Кстати, по пути заедем в морг, надо осмотреть тело – майор отвернулся и начал набирать номер друга Тараканова.

Через час Артемов и Морозов стояли на лестничной площадке пятого этажа дома номер 123 по Волгоградскому проспекту и звонили в дверь к Андрею Тараканову.

– Не понимаю, зачем по лестнице-то было тащиться, когда убийца живет на первом этаже! – бубнил грузный Морозов.

Дверь открыла Ольга Тараканова, жена Андрея:

– Здравствуйте. – Немного растерянно вымолвила она.

– Добрый вечер, мы к Андрею, – поприветствовал Артемов.

Ольга гостеприимно распахнула дверь и бросилась наливать чай.

– Спасибо, но мы совсем ненадолго, – остановил ее майор.

Андрей Тараканов сидел в гостиной в кожаном кресле и читал. Это был человек средних лет, невысокий, с ярко-рыжими волосами и серыми глазами.

– Добрый вечер, Вы ко мне по поводу этого ужасного убийства? – спросил он.

– Да. Мне нужно будет кое-что записать, не одолжите Ваш блокнот? – сказал Артемов.

Не дожидаясь ответа, он схватил блокнот, лежащий на столике перед Таракановым, и быстро пролистал его.

– Спасибо, а теперь не могли бы Вы написать пару слов?

Тараканов недоуменно взглянул на Артемова, но все же сделал веленное. Майор взглянул, как тот пишет, и сухо сказал:

– Именем закона Вы арестованы.

Артемов и Морозов сидели в отделении и тихо пили кофе. Морозов терялся в догадках, как майор смог вычислить преступника. Одна догадка чуднее другой. Может, он читает мысли? Или он следит сразу за всем городом? Наконец сержант не выдержал:

– Ну все-таки, Артемов, как Вы его раскусили?

Артемов задумался, почесал свою лысину и начал рассказ: «Сначала я, как и все, предполагал, что убийца Ежов, но, внимательно прочитав показания, я обнаружил одну преинтересную деталь. Тараканов говорит «оба за ЦСКА болели, ни одного матча не пропускали», но Ежов говорит, что он смотрел матч «Спартак» – ЦСКА, а Тараканов, как и Романов, его не смотрели. Я проверил, и действительно оказалось, что в тот вечер был такой матч. Тут-то я и заподозрил Тараканова. А дальше все просто! Я внимательно изучил клинок и обнаружил на рукояти инициалы А. В. Т. – Андрей Васильевич Тараканов. В его гостиной на стене висят пустые ножны. Когда я взял его блокнот, то увидел, что бумага там желтоватого цвета, а уголок последней страницы оторван. Это он подложил бумажку в карман убитого и, воспользовавшись тем, что Ежов забыл закрыть дверь, спрятал кинжал у него под ковриком. И наконец, рана Романова на левом боку, удар нанесен сзади, такой удар можно сделать только левой рукой, а Тараканов— левша.

– Но зачем?

– Когда я говорил по телефону с другом Тараканова, тот сказал, что в последнее время Тараканов с Романовым не ладили, Тараканов называл Романова «законопослушным кретином». Во время обыска в квартире арестованного нашли ларчик с древними монетами. Никто из родственников и знакомых Тараканова раньше этот ларец не видел. Как выяснилось, Тара-

канов с Романовым нашли клад, и первый намеревался просто поделить его пополам, а Романов не хотел нарушать закон и предлагал передать клад государству. Из-за этого и вспыхнул конфликт, приведший к таким печальным последствиям.

–Ну, мы и молодцы! Такое дело раскрыли! Предлагаю тост за нас! – Поднял чашку с кофе гордый собой Морозов.

Мария Морозова

Разноцветное

Небо похоже на кленовый лист. Цветные прожилки, от кремово-желтого до ярко-лилового, растекаясь, заполоняют все до горизонта.

– Расскажешь, где мы сегодня?

Жюли довольно улыбается.

– О, это мое любимое место. Здесь гнездятся ящероголовые ежи, представляешь? А иногда сюда приходит Понедельник, мы с ним болтаем. – Жюли замечает, как Рут морщится, и добавляет. – Он добрый, просто не всем с ним везет.

Рут насмешливо фыркает, но молчит.

– Расскажи мне про ловцов снов, – просит Рут и плюхается на бирюзовую траву. Перед девушками тут же появляются две чашки горячего шоколада. Одна, правда, неполная, да и сахара многовато, но Рут все равно молодец.

– Профессиональных ловцов снов в нашем мире осталось совсем немного, мало кто берет учеников. К тому же надо обладать особенным чутьем. Приходится сдавать экзамен, чтобы тебя приняли в Гильдию.

Рут вся внимание. Она обожает рассказы Жюли о таинственном Между и о ловцах снов.

– Мне просто везет на сны. В основном они существа неприхотливые, но иногда такие попадают... На мой взгляд, самые капризные – сны из других миров. Но они же самые ценные. Их можно поймать только Между, а туда вначале надо найти дорогу. Сны бывают разные. Сон-подарок, сон-лекарство, сон-приключение. Для каждого своя приманка, свое время и место. Но самая большая удача – поймать сон Художника. Художники способны менять миры и даже создавать новые. А уж их сны... – Жюли смотрит на Рут, всю измазанную в пастели, и улыбается. – Еще у ловцов есть одно правило, – меж тем продолжает Жюли, рассеянно поглаживая ящероголового ежа по чешуйчатой головке, – не правило даже, табу. Нам нельзя ловить сны для себя, только на заказ.

Рут удивлена. Она не может понять, как это, жить без снов.

– А сейчас мы разве не во сне? – Рут выразительно смотрит на разноцветное небо. Оно похоже на гигантское витражное окно, через которое просвечивает теплый, чистый солнечный свет.

– Во сне. Но это *твой* сон.

Рут открыла глаза и улыбнулась. Она не помнила, что ей снилось, но знала – сон был замечательный. Вот бы и весь день такой!

«Пора собираться в художку. Уже третья школа за два года. А все из-за мамы с ее проектом... Надоели эти переезды. Только привыкнешь, познакомишься, опять пакуем чемоданы. Конечно, можно было остаться у бабушки Нэнси, но без мамы нельзя. Хотя у бабушки пирожки».

Группа ребят стояла у двери класса в ожидании просмотра. Рут робко перешептывалась с новой знакомой, Мирой.

– Итак, ребята. Я очень рада видеть вас после каникул. Надеюсь, все готовы и не забыли принести работы. Рут, ты готова? – обратилась учительница к новенькой.

Девочка кивнула и молча начала раскладывать картины.

– Твои работы не перестают меня удивлять. Такая прорисовка! Отличная цветопередача. Но, опять проблемы с небом. Такое чувство, что ты просто взяла палитру и припечатала ее на лист. Если художник рисует с натуры...

– ...то он должен либо рисовать все с точностью, либо не рисовать, – Рут недовольно тряхнула челкой, – но там такое небо. Я знаю.

– Рут, но где же ты встречала нежно-зеленое небо с желтыми, синими, фиолетовыми и розовыми пятнами? – вздохнула учительница и повернулась к детям, вставшим в очередь на просмотр.

– Да врет она все, не бывает такого. Рушка-врушка, – захихикал вредный Эрик.

– Рушка-врушка! Врушка-рушка!

Девочка быстро и неуклюже попыталась собрать рисунки. Листы, подобно диким птицам, вылетали из рук, пребольно царапая острыми краями. Рут зажмурилась, ей изо всех сил захотелось исчезнуть.

– Хватит! – попыталась успокоить друзей Мира, но Рут этого не слышала.

Придя домой, она, ничего не сказав, заперлась в своей комнате. За окном расплывалось серое небо, виднелись ровные ряды светло-коричневых, цвета разбавленного какао, многоэтажек. Кое-где, по краям пыльной дороги, росли сухие кусты ежевики.

Рут разложила рисунки. Акварельные улочки переходили в пастельные парки и гуашевые дома. Узкие мордочки неизвестных зверей выглядывали из-за кустов масляного леса, хитро подмигивая. Она рассматривала булочную и улыбающегося булочника на пороге. Сангина, немного мела. Это мистер Рой. У него всегда самые свежие булочки, и даже мэр города ходит к нему за багетами. А если Рой-младший разобьет, скажем, окно в школе, директор берет плату крендельками. Следующая картина, акварель – городской парк. По ночам здесь летают синие куропатки с лисьими хвостами.

И везде, на каждой картине – разноцветное небо. Как будто днем запустили салют, и он, взлетев, остался висеть в воздухе. Рут не знала, откуда в ее голове эти картины. Все образы и истории возникали сами собой.

Рут чувствовала, что ее место там. Она знала, что принадлежит этому миру, а он – ей.

Зажав в одной руке сачок для ловли бабочек, а в другой маленький сверток, обмотанный атласной лентой, Жюли медленно кралась по замерзшему полю, по пути отмахиваясь от надоедливых туманных щенков.

– Кам-кам-кам, – звала Жюли, рассыпая содержимое свертка, дюжину цветных камушков, вокруг которых тут же стал сгущаться туман. – «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять, – как мантру повторяла про себя Жюли детский стишок, подкрадываясь к облаку с сачком наперевес, – вдруг охотник выбегает – она дрожащими руками подняла сачок в воздух, – прямо в зайчика стреляет...»

Жюли благоговейно взглянула на сон, беспомощно распластавшийся на самом дне сачка.

– А это будет сон-подарок.

Она сделала несколько шагов и исчезла в свете витражного неба.

Рут проснулась с ощущением полнейшего счастья. Ей снился живой город, его мозаичные мостовые, аккуратные разноцветные домики, улыбчивые жители. Потягиваясь, она все

еще ощущала сладкий коричный запах румяных плюшек из пекарни мистера Роя, а звонкий смех Жюли Клеман эхом звенел в ушах. И еще был какой-то подарок.

Что-то острое пребольно кольнула ладонь. Девочка разжала кулак. На ее руке переливался всеми цветами маленький осколок неба.

Онлайн-курс Анны Старобинец «Проза для подростков». Подростки 14—15 лет. Мастер Олег Швец

Анастасия Заритовская

В хорошей компании

Двери школы были старыми. Их металлическое сияние – единственная часть здания не сделанная из нео-пластика (Plasticity, Inc.). Все остальное – стены, крыша, и даже формы студентов (Vetement Company) были гладкими и матово-голубыми; оттенки синего способствуют концентрации и умственному развитию. Надпись «Коллегиатный Институт №152» встречала меня ярко-красными буквами. Приложив палец к сенсору у входа, я открыл дверь в школу и быстрым шагом вошел внутрь, стараясь не задерживаться.

Коридоры были наполнены движением. Студенты пробежали мимо, поглядывая на плакаты на стенах, которые поменяли сегодня утром. На прошлой неделе нам рекламировали новый тип наушников (Gear Tech), который к пятнице носили уже все, а на этой – новую помаду для девушек (Antro) и часы для юношей (Avalon). Мне послышался разговор между двумя девушками девятого года о помаде, и я мысленно ухмыльнулся. Я запомнил названия продуктов недели и решил потом впихнуть в беседу с родителями; надо было поднять оценку по геометрии.

Я забежал в класс одним из последних и практически долетел до своего места. Проф-Лб снисходительно взглянул на меня поверх очков (Luk Co.) и покачал головой. На прошлой неделе я опоздал два раза, и Пэлшес лишил меня Пятой Привилегии на четырнадцать дней. Я посчитал в голове и понял, что осталось четыре дня без нее. До начала было несколько секунд; я быстро достал свой планшет из рюкзака и включил его. Ненатурально красивый бот лет двадцати ярко улыбался мне с экрана. Бот в этот раз был девушкой, скорее всего, попытка маркетинга для мужчин. Ее губы (естественно, накрашенные помадой Anthro) открылись, и она начала свою речь, не прекращая улыбаться.

– Доброе утро, Студент-А9! Сегодня – двадцатое апреля. На улице прохладно и может пойти дождь; рекомендуем зонт фирмы Plupart. Ваше расписание на сегодня: алгебра, теория дизайна, социология, и геометрия. Не забудьте, у вас временная отмена Пятой Привилегии, так что ваш час отдыха будет заменен работой. В 11.40 пройдите в библиотеку, где вы будете переводить старые файлы в электронный вариант вместе с Студенткой-Е2. EduCorp желает вам приятного дня!

Девушка-бот сменилась тетрадью по алгебре, и я выдохнул с облегчением; в пятницу, я убирался в столовой в час отдыха, так что файлы не пугали меня. Студентку, с которой предстояло работать, я знал – она была у меня в классе по геометрии. Я с ней заговорил только один раз, когда она уронила свой стилус около моей парты.

–Адев, урок начался, – Пэлшес постучал костяшками пальцев по моей парте, – и хотелось бы, чтобы вы поучаствовали в дискуссии о превосходстве новой модели часов Avalon над старой.

Час отдыха начался в 11.40; стараясь не бежать, я быстрым шагом дошел до библиотеки. Я тут не был никогда – никто из студентов не видел смысла в бумажных книгах, предпочитая использовать планшеты (PadPal). СТ-Е2 уже была там, включая библиотечный планшет. Несколько минут ушло на приветствия, несмешные шутки про работу, и пустой смех, но скоро

рутина настроилась, и мы начали организовывать файлы. Едва доставала файлы из папок и зачитывала их мне, а я вводил информацию в планшет, пытаюсь не ошибиться или не ввести тип заказа на бумагу, как ВАР-5, когда он был ТОР-8. После получаса работы Едва заговорила со мной между чтением файлов.

– А за что они тебя сюда?

– Лишили Пятой Привилегии, – не поднимая головы, сказал я, – опоздал на той неделе.

– Аа, – значительно вздохнула Едва, – понятно. Номер заказа: 83648202.

– А ты? – на самом деле интересно не было, но надо было как—то развлечься.

Едва улыбнулась.

– Сказала Павосу, что не вижу ничего особенного в Гировских наушниках.

Видимо, недоумение на моем лице было заметно, потому что она продолжила.

– Ну, надо же кому-то было сказать то, что мы все думаем.

– Мы все?

– Да. И даже не пытайся мне сказать, что ты со мной не согласен. Наушники эти – впрочем, как и предыдущие – полное дерьмо. Нам просто надо про них разговаривать, а то никто бы их не знал.

– Возможно, – осторожно усмехнулся я – но они бы их не продавали, если они не были хорошими...

– А я уже подумала, что с тобой можно нормально поговорить, – Едва видимо разочаровалась, – а оказывается, ты такой же, как все эти богатенькие поросята.

– Откуда ты взяла, что я богатый?

– Так нет?

– Я тут на стипендии. Родители живут в Старом Районе, я там и вырос.

Едва посмотрела на меня. В ее взгляде точно чувствовалась зависть.

– Лучше бы ты там остался.

– Хм?

– Там, хотя бы, EduCorp мозги не промывает. Мой папа всегда говорил – частное образование не учит тебя ничему.

– Но ты же тут.

– Папы уже нет, так что выбора не было.

Мы посидели в молчании минуты две.

– Слушай, – спросил я, – а как тебя зовут?

Она улыбнулась.

– Мари. А тебя?

– Рик. Приятно познакомиться.

Екатерина Косых

Переезд

Сейчас я сижу на кухне, пью пиво и смотрю на его иссохшее тело.

Я переехал сюда недавно. Разумеется, разорвал все связи со столицей: сменил имя, покрасил волосы, купил новую одежду и так далее. Привычная процедура для таких, как я. Примерно каждые десять-пятнадцать лет мы начинаем новую жизнь в новом месте. Именно столько нужно людям, чтобы заметить, что я не старею. Именно столько нужно мне, чтобы забыть всех друзей и любимых, с которыми общался в предыдущий период.

И вот я сижу в одном из немногих кафе нового для меня города и пью «Эрл Грей» без сахара. При таком образе жизни единственное, что ты можешь позволить себе не менять – маленькие, незначительные для окружающих привычки. Пожалуй, только это хоть в какой-то степени сохраняет индивидуальность. Кто тебя вычислит по сорту любимого чая? Вот именно. Так что я волен пить «Эрл Грей» на протяжении хоть трехсот лет.

Все думают, что вампиры – неотразимые фарфоровые красавцы с бледной кожей и идеально уложенными темными волосами, что мы живем в огромных готических особняках, в которых есть отдельная комната для портретов всей династии (высотой в три метра, разумеется) и что мы пьем кровь из бокалов. Единственное, что, правда – у нас бледная кожа. И только когда наступает жажда. И я вовсе не идеален: у меня тоже иногда выскакивают прыщи на лице, живу я сейчас в небольшой квартире, в спальном районе, которую снимаю вместе с одним парнем. Мы с ним познакомились в баре, у него хороший музыкальный вкус, и платит он за аренду вовремя. Я думаю, мы с ним подружимся.

Я допиваю чай и иду домой. На улице темнеет, так что мой неестественно белый цвет лица на контрасте привлекает взгляды прохожих. Жажда становится все сильнее: я не насыщался кровью уже несколько ночей. Вхожу в квартиру, меня приветствует сосед, предлагает выпить пива и поиграть в шахматы. Я охотно соглашаюсь, алкоголь притупляет жажду крови – это общеизвестный факт. Сосед порезал палец об открывалку.

Сейчас я сижу на кухне, пью пиво и смотрю на его иссохшее тело. Жалко конечно, хороший парень был. Но такова уж моя судьба – вовеки быть одному. Кто-то задерживается в моей памяти надолго, кто-то не очень. В конце концов, я всегда забываю имена тех, кого называл знакомыми, лучшими друзьями или возлюбленными. Люди приходят и уходят. Единственное, что неизменно – мое одиночество и «Эрл Грей» без сахара.

Александра Савичева

Праздник

Я сидел в доме сестры и смотрел в окно. Лампочки, праздничные гирлянды, наряженные елки у соседей. Под окнами пробегали дети, которые играли в только что подаренные пистолетики. Даже в нашем небольшом городе, все куда-то спешили, радовались. Сочельник.

Каждый год мы празднуем Рождество в такой компании: я, моя сестра Мэг и ее сыновья-близнецы Луи и Лури. Но в тот раз кого-то не хватало. Моего пса – Бакли.

Мэг возилась на кухне, Луи и Лури бегали по квартире с новыми игрушечными самолетами, по телевизору показывали праздничные концерты. Нет. Все неправильно. Так не должно быть. Я не хочу Рождество. Только не сейчас.

Мэг командовала мной и заставляла притворяться весельчаком из-за того, что скоро придет ее Джек, которого она всячески пытается удивить. Удивлять, правда, нечем. Джек, на самом деле был не таким уж и идиотом. Я даже мог назвать его своим другом. Он приехал недавно. Думаю, поэтому мы и подружились: он вырос в большом городе и был абсолютно другой культуры, нежели тупые местные, которых интересует только футбол в пятницу вечером и где купить макароны подешевле. Мы с ним соседи. Джек – единственный, кто помогал мне найти виновного в потере Бакли. Его любили все в округе, он был настоящей душой компании. Однако близнецы его не признавали, и все время старались над ним подшутить. Возможно из-за того, что Мэг порой больше внимания обращала на него, а не них.

В ту же секунду, как по команде, близнецы накинулись на меня, показывая свои новые самолеты. Они все время рассказывали мне истории, которые придумывали на ходу. Теперь они придумали историю о летчиках, которые сбились с маршрута и потерялись, а потом долго не могли найти дорогу назад. Эти их истории! Вроде и простые, а ведь начинаешь заслушиваться, и вскоре ты и сам становишься летчиком посреди пустыни и тщетно пытаешься не раствориться в ее песках. Я всегда удивлялся, как слаженно они это делали: сначала рассказывал один, а другой бегал сзади, как бы иллюстрируя слова брата, потом внезапно менялись местами или начинали говорить одновременно, а порой, договаривать фразы друг друга.

– Дядя Бен, а правда, что Бакли пристрелили, и вы не знаете кто? – то ли Луи, то ли Лури (я не всегда их различаю, тем более, когда они одеты в одинаковые рождественские свитера) прервал рассказ, и они оба уставились на меня.

Я посмотрел на них. Из далекой африканской пустыни я упал в промозглый провинциальный городишко, где даже дома больше напоминаю тюрьмы, а не те пряничные домики, что рисуют на открытках.

– Да.

– Мы знаем, кто это сделал!

– Кто?! – Я выпалил это мгновенно и лишь, потом задумался, а хотел ли я это знать.

Они переглянулись и в один голос сказали:

– Джек.

– О, ну этого просто не может быть! Он же мой друг. Да и к тому же, зачем ему это делать? Нет, прекратите, вы так говорите, просто потому что не любите его.

– Ну... Мне той ночью не спалось... – сказал первый (возможно, Луи)

– Да, мне тоже! – подхватил другой (возможно, Лури)

– Я выглянул из окна.

– И увидел там Джека, который с балкона своего дома стрелял!

– А там во дворе спал Бакли!

– Он проснулся и начал лаять на него, вот Джек его и того....

– Ой, да хватит, ребята, – это наверняка была очередная байка. – Пойдем лучше уже за стол.

Я не поверил в то, что сказали близнецы, но все-таки, после их рассказа, осталось какое-то неприятное подозрение.

В дверь постучали. Мэг, поправила платье и прическу, побежала открывать. Это был Джек. Со щенком в руках.

– О, здравствуй, Джек!

– С Рождеством всех! Мэг, Бен, Луви, Лули!

– Луи и Лури! – выкрикнули близнецы. Они явно были не рады его появлению. Как только Джек вошел, они взяли свои самолеты и отправились играть в другую комнату

– И тебя с Рождеством, Джек, ну же, проходи.

– Эй, Бен, дружище, смотри, кого я тебе принес! – Он скинул куртку, подошел ко мне и буквально сунул дрожащего щенка мне в руки. Сквозь плюшевый мех виднелись только черные испуганные глаза и какое-то подобие ножек. Признаться, чудище было больше похоже на что-то среднее между овцой и цирковым медведем в уменьшенном варианте. – Знакомься, это Банни. Ну, если тебе не нравится это имя, ты можешь назвать его как-нибудь по-другому. Это отличная породистая собака. Да, конечно, не Бакли, но.... Эй?

– Это очень мило с твоей стороны.

А что, если близнецы были правы и так он пытается загладить свою вину, купив мне «подарок»? Конечно, щенок ни в чем не виноват, но мне это показалось оскорбительным. Мне не нужна была собака, пусть даже самая породистая. Мне нужен был Бакли.

– Я рад, что он тебе понравился! Заводчик сказал, что он.... – тут Джек начал перечислять все достоинства этого чудо-животного, даже те, которые к животным то и отнести нельзя.

Тем временем Мэг поставила на стол блюда и позвала мальчиков. Уже темнело, все жители, что копошились на улице еще час назад, разбрелись по домам; пора была и нам начинать праздник. Я же все сидел и думал о Бакли, рассказе близнецов, подарке Джека. Я молчал весь вечер. Все, что происходило вокруг, казалось мне нереальным: картинкой или фильмом. Красная елочная гирлянда напоминала мне красный ошейник Бакли, хлопушки казались мне лаем, когда близнецы начинали играть в догонялки, я вспоминал, что Бакли тоже всегда был участником этой игры и бегал за ними бегал, виляя хвостом... Толчок в руку пробудил меня. Мэг смотрела на меня так свирепо, что я ощутил себя школьником, который только что принес неуд за контрольную по математике.

– Бен, прекрати отключаться, поговори с гостями, давай! – Она сказала это шепотом, чтобы никто не заметил, но у нее не очень вышло, и услышали это все сидящие за столом.

– Бен, ты чего, тебе не понравился мой подарок?

Было ощущение, что Джек специально делает все, чтобы напоминать мне о Бакли. Я все больше и больше верил версии близнецов. Хотя мне очень не хотелось.

– Я не знаю, Джек, ты понимаешь, ну да, он, конечно, наверное, хороший, но, вот как бы....

– Я знаю! Нам просто надо будет поехать отдохнуть куда-нибудь, пока у нас выходные. Можно, например, в Канаду на охоту съездить и мальчиков стрелять научим, правда? – Быстро поняв, что сказал что-то не так, он исправился. – Или, ээ, ну можно и просто на природу съездить на пару деньков. Ну, что скажете?

Все. Точно. Как в сериалах про сыщиков. Он сам себя раскрыл.

– Эй, Джек, пошли, поговорим

– Ну, стой, я не имел в виду...

– Да, я хочу узнать побольше об этом щенке, как там, Бэгги или, ну не важно.

– А, ну... Да, хорошо, пошли.

Во мне смешались чувства гнева и... эйфории? Не знаю почему, но я был, как будто рад узнать, то, что это он. Но, это же Джек, мой друг. Больше всего мне хотелось выяснить причину.

Мы вышли во двор. Падал снег, но температура была около нуля, а то и выше, из-за чего на земле образовалась тонкая ледяная корка. Щенок сидел у Джека на руках.

– Поставь на землю. Он еще такой маленький! Что он умеет-то?

– Ну, а что ты хочешь конкретно узнать?

– Что я хочу узнать? О, Джек, ты знаешь, что я хочу узнать! Но самое главное я уже знаю! Вот только зачем?!

– Э-э-э, что? Бен?

– Ну же, Джек! Какой же ты молодец, Джек! Вот это подарок, Джек!

– Объясни мне что, черт возьми, происходит! Тебе не нравится щенок или что? Да, он еще совсем маленький и ничего не умеет, и да, это не Бакли и даже не похож! Понимаешь, Бен, иногда нам приходится начинать заново, начинать новую главу, нужно...

– Что если я не хочу начинать новую главу, а? Зачем же ты отнял у меня старую главу? Почему?!

– Так, стой, Бен, успокойся! Ты что, обвиняешь меня? По твоему я избавился от Бакли, чтобы всучить тебе нового щенка? Это же глупо, прекрати. Я тебе помогал! И этот щенок – не замена Бакли, но это твой новый друг. Ну пойми же меня!

– Близнецы тебя видели.

– О, Бен, ну, кому же ты будешь верить? Им лет по семь, и они меня ненавидят. Конечно, они что угодно сделают, чтобы и тебя настроить против меня!

Как же он искусно врал, обвиняя всех вокруг! Моего терпения не хватило. Я замахнулся, чтобы ударить его и...

Очнулся я в больнице с сотрясением мозга. Щенок, который топтался под моими ногами, тогда решил куда-то побежать, я об него споткнулся и поскользнулся, ударился головой о какой-то заснеженный камень и после – темнота.

Он остался безнаказан. После того вечера, все старались избегать темы Рождества, собак или охоты. Это ведь меня ранит! Не разговоры меня ранят, а предательство единственного нормального человека в городе. И я не позволю ему быть счастливым, бегать, улыбаться, гулять со своими друзьями-идиотами, коим оказался и он. Не позволю.

Я потерял сон. Я все время думаю о том, как он был безжалостен к моему Бакли, как он наслаждался звуком выстрела своего нового охотничья ружья, купленного в столице за огромные деньги, как он даже не посмотрел на то, как мой Бакли жалобно скулит, но все же философски принимает свою несправедливую смерть. Я хочу найти выход. Я знаю выход. Я не могу так.

Уже давным-давно я не выходил из дома, уже несколько месяцев. Мэг и Джек изредка звонили мне по телефону, чтобы выяснить, не умер ли я там еще от припадка или, в конце концов, не наложил ли на себя руки, то есть узнать «как там у меня дела». Вот и в этот раз он позвонил мне, спросил как мои дела, да еще и предложил «развеемся»: пригласил к себе в гости. Я не желал его видеть, но с другой стороны это были идеальные условия для совершения моей вендетты.

Все-таки, я решился. Мне плевать, что будет с моей жизнью, потому что это – не жизнь. Был уже март, я шел по улице в своем старом пальто, я смотрел в лужи, и я не видел того что видел раньше, я не видел там отражения Бакли, который так любил в них плескаться. Он был таким хорошим. Коротколапый, он пачкал все пузо грязью во время наших весенних прогулок. Мне всегда приходилось его мыть, но это мне было в радость. Только он был моим другом. Сейчас мне даже стыдно осознавать, что я мог упомянуть имя Джека и слово «друг» в одном предложении. Но я не видел в лужах еще одного: человека, того человека, которым я был. И которым больше никогда не стану.

Я долго ходил кругами, хотя мы жили в домах напротив. Я готовился к прыжку, к броску, к моменту истины. Я бы еще долго обдумывал все и бродил кругами, если бы Джек не выглянул из окна, и увидев, не позвал бы внутрь.

О, его дом. Все такое деревянное, дорогое, на полу шерстяные ковры, на стенах картины нью-йоркских авангардистов, а по полу бегает эта маленькая скотина, которая, по теории Джека, должна была заменить мне Бакли. Эта штука, кстати, за четыре месяца так и не выросла ни на миллиметр.

– О, привет, дружище, ты, садись, чаю, может?

– Да, чаю, именно – он посадил меня в гостиной, а сам утопал на кухню.

Я осматривал помещение, высокое и просторное, с большими окнами, шкурами каких-то зверей. Наверное, сейчас, где-нибудь в его спальне на стене шкура моего Бакли. Я посмотрел на стену, где висело его ружье. Действительно, прекрасное: с ручкой из красного дерева и корпусом из какого-то темного металла. Я взял его «посмотреть».

–Тебе класть сахар? – Джек возвращался с чашками.

Выстрел.

Онлайн-курс Анны Старобинец «Внутренний подросток». Взрослые. Мастера: Алексей Евдокимов, Дмитрий Самойлов

Ася Балужева

Карманное солнце

Он лежал в очаге, уютно пригревшись в слабых языках пламени. Такого старушка Иви не встречала никогда, а она за свою жизнь повидала всяких существ. В ее камине спал заяц размером с мужской кулак, почти прозрачный и словно мерцающий собственным светом.

– Ты кто? – Иви осторожно задела его кочергой.

– Что? Зачем так тыкать? – сказал он, недовольно поморщившись, и уселся на полене. – Я Незаяц Солнечный. Отменный у вас камин. И вообще дом приятный, хотя простоват.

Иви опешила было от такого нахальства, но потом развеселилась.

– Незаяц, говоришь? Ты видел себя? – старушка рассмеялась, и ее лицо вдруг стало теплым, немного детским.

На все доводы про уши, нос, лапы, он только больше злился:

– Если в родне у меня все типичные зайцы, это еще ничего не значит!

Так в жизни Иви Скоген появился солнечный друг. В Лихограде это никого не удивило. «Ясное дело, Иви опять чудит». Хрупкая, небольшого роста, с короткими седыми волосами, она напоминала скорее седую девочку, чем старушку. У нее всегда в запасе был увлекательный рассказ о своих приключениях и барбариски для маленьких слушателей в карманах длинного пальто.

– Однажды я переплыла море, ухватившись за огромного ската. Рассекала на нем водную толщу, как на ковре-самолете.

Незаяц тоже любил рассказывать истории о своем путешествии с юга на север. Но он так тараторил и возбужденно прыгал, что у детей начинала кружиться голова.

Ему пришлось мигрировать в Лихоград, потому что технический прогресс вытеснил волшебство из большей части мира. Остатки скопились на севере.

– Как же ты будешь здесь без солнца, это же редкость для севера!

– Буду подзаряжаться. Камин, печки, подсвечники, на худой конец ночники. Но от них у меня нервный тик.

Несмотря на свою болтливость и неугомонность, Незаяц всегда повышал настроение. Он согревал сердце Иви. Весь Лихоград был ее семьей, но Иви не хватало близкого друга, которого можно взять в небольшое путешествие вглубь леса, к его секретам.

В день первого заморозка Иви пришла к мельнице, повидать Хюгге. Для местных было удачей встретить мудрого рыжего Лося. Хюгге всегда выслушает и даст совет, а в редкие солнечные дни в отражении его рогов можно было увидеть свое будущее. За доброе слово Хюгге просил приносить ему книги и брусничную настойку. Но для Иви он был просто другом.

– Привет. Что беспокоит тебя? – протяжно спросил Хюгге.

– Начинается психоанализ. Лось, это ж я!

– О, Иви! Прости, я по привычке. Как твой питомец?

Незаяц стремительно запрыгнул на рога Хюгге и вскричал, грозя желтой лапой:

– Э—э—э, дружище! Я кочевой Незаяц, а никакой не заячий питомец, запомни-ка.

– Вы хотите поговорить об этом? – без малейшего раздражения проговорил Хюгге.

Но эффект от солнечного существа, скачущего по медным ветвям, оказался неожиданным. В отражении рогов Иви вдруг различила образ пустого камина. Она резко отвернулась. Иви никогда не встречалась с Лосем в солнечные дни, не хотела ничего знать о будущем.

– Хюгге...

– Прости, Иви. Это все карманное солнце твое.

– Что там, Ив? – скакал туда-сюда Незаяц, пытаясь что-то разглядеть. – О, Ив, тут я с какими-то детьми! Ух ты, мы идем в лес ночью! Нет, дружище. Я авантюрист, но не настолько. Это то самое северное сияние? Вот это кайф!

Видение растворилось в отражении возбужденной заячьей морды.

В конце осени солнце все реже появлялось на горизонте. Незаяц стал больше спать, бурлящая в нем энергия немного утихла. Иви боялась, что он впадет в спячку и не проснется. Или уйдет от нее. Она все чаще вспоминала медные видения о будущем. Быть может, эти дети уже в Лихограде.

Иви с Незайцем часто бывали в «Северном уюте», тут всегда сладко пахло и кипела жизнь. Это была лавка белобрысого богатыря, Архипа Хельтена. Незаяц наблюдал, как он выписывает виньетки глазурью на торте. А Иви следила за движением города из окна лавки, как за беспокойным зверем. На площади Брюнуста лихоградцы сбивались в группы и снова рассыпались, словно бильярдные шары. Все оживленно что-то обсуждали.

– В город приехал зодчий по приглашению мэра, церковь восстанавливать. – Мрачно сообщил Архип. – Привез семью. Народ думает, что он тут все снесет.

Вдруг Иви увидела на площади двух детей в непривычной для Лихограда черной одежде. У них был потерянный вид, и местные бросали на детей обжигающие взгляды. В руках девочка держала яркие канареечные перчатки, видно, из лавки Моронтрета.

Мимо пробежал мальчишка, задев ее плечом, и перчатки упали на брусчатку. Следом подлетел местный хулиган. Он потоптался на желтом и что-то крикнул, удаляясь. Девочка заплакала, мальчик прижал ее к себе.

У Иви что-то сжалось внутри, мысль пронзила ее. Грустная, но правильная. Она посмотрела на Незайца, такого родного и веселого. Перед глазами встал образ пустого камина, а потом их застелила влажная пелена. Она утерлась и тихо сказала, улыбнувшись:

– Незаяц, как думаешь? Может, тебе наведаться в семью этого зодчего? Познакомиться с детьми, поприветствовать их от лица города? – было видно, что слова даются Иви с трудом.

– Да? А что, может быть! Я буду гонцом!

А потом старушка долго смотрела, как желтое пятно бодро скачет через площадь, становясь все мельче и мельче.

Спустя месяц Иви вновь привыкла к тишине дома. Иногда она встречала Незайца с Илмари и Лил. Они даже приходили как-то в гости на чай. Незаяц познакомил детей с местными и рассказал, что к чему. В его стиле. С Иви он болтал по-прежнему, но жил уже с детьми, и в путешествия больше не просился.

В декабрьский вьюжный день она собирала картины из сухих цветов, тишину нарушал только треск огня. Иви сморило, и она заснула за столом. Когда сон схлынул, было еще темно. А в камине по-домашнему спал Незаяц.

Неужели ты могла подумать, что я про тебя забыл? – сказал он потом, – Я твое карманное солнце, Иви.

Они встречали весну. Незаяц топил лапами снег на крышах, а Иви следила, как вода напевно стекает на мостовую. Это был первый по-настоящему теплый день после долгой суровой зимы. Они шли на встречу с друзьями, Илмари и Лил. Незаяц трещал без умолку, иногда переходя на пение. На его фоне Иви казалась гималайским монахом. Одного взгляда на нее хватало, чтобы наполниться спокойствием и тишиной. Всем, кроме Незайца.

Дмитрий Быкадоров

Net Present Value

Михаил Андреевич вставал рано. С тех пор как умерла его супруга, Лариса Семеновна, он перебрался в проходную гостиную и старался ложиться последним и вставать первым, чтобы не докучать домочадцам. Домочадцами, не считая кота, были сын Андрей, его супруга Светлана и их дочка, его внучка, Маша. Андрей был маленький, когда Михаил Андреевич получил эту трехкомнатную квартиру от государства на излете СССР. Тогда им было в ней просторно. Михаил Андреевич с супругой занимали одну комнату, Андрей другую, а в гостиной они собирались смотреть телевизор и на торжественные ужины, которые, как в любой семье, в ней время от времени случались. С тех пор Андрей вырос и стал очень ценным, но малооплачиваемым, сотрудником одной торговой структуры, специализирующейся на импорте. На работе его ценили за исполнительность, надежность и хорошее знание английского. Супруга Андрея, находя эти качества удобными, считала их слабой компенсацией за его неспособность снять отдельное жилье. Когда родилась Машка, это еще было не так критично потому, что Лариса Семеновна по максимуму взяла заботу о внучке на себя, но по мере того как она росла, напряженность в отношениях между женщинами только нарастала. Лишь болезнь Ларисы Семеновны и ее быстрый уход разрядили атмосферу. После этого Михаил Андреевич и предложил сыну с супругой переехать в его комнату, оставив другую пятнадцатилетней Машке в полное распоряжение.

Михаил Андреевичу было 66, и год назад он вышел на пенсию по возрасту. Он был еще крепок и пытался найти подработку по квоте, выделяемой на пенсионеров. Другой работы пенсионерам не давали, чтобы они не конкурировали с молодыми. Конкуренция была высокой и места не нашлось. Он думал как-то посвятить себя внучке, но та уже не нуждалась в той опеке, которой всегда окружал ее дед. Она выросла и уже самостоятельно ходила на все кружки и секции, со своими новыми друзьями. Она по-прежнему любила деда, но у нее теперь был собственный мир, со своими интересами, куда Михаилу Андреевичу путь был заказан.

По утрам Михаил Андреевич всегда прогуливался до булочной-пекарни за свежим хлебом, но сейчас он пошел в сторону метро. Обычно дорога занимала у него минут 15 неспешным шагом, но сегодня он шел особенно долго. Вот странный раздвоенный ствол у дерева, который он раньше не замечал, а вот небольшая вывеска «Цветы», которая затаилась за «Ремонт», «Интим» и «Пивной Замок». Подойдя ко входу в метро, он минуту постоял осматриваясь, а затем набрав в легкие свежего воздуха, нырнул в подземелье. Выйдя на платформу, он обнаружил стоящий там поезд. Припустив, он успел вскочить в вагон, двери только зажали полу его куртки. Он дернулся и вытащил ее оттуда. «Мы успели, в гости к Богу не бывает опозданий», – прохрипел в голове голос из отцовского магнитофона. «Н-да, чуть помедленнее», – сказал Михаил Андреевич сам себе вслух и оглянувшись, сел на свободное место.

В клинике, куда он приехал, взял талончик в электронную очередь, но долго ждать не пришлось. Вскоре он уже сидел перед красивой моложавой женщиной в ослепительно-белом халате. Оторвав взгляд от монитора, она внимательно его осмотрела.

– Вот, прошел месяц, и я пришел, – первым нарушил молчание Михаил Андреевич.

– Хорошо. Вы точно решились?

– Да, точно!

– Ну что ж, давайте уладим формальную сторону дела. Вот договор, с которым, я надеюсь, вы уже ознакомились. Тем не менее, моя задача в том, чтобы вы точно понимали все его условия. Вас, наверное, прежде всего, интересует сумма?

Михаил Андреевич кивнул.

– С нее и начнем. Итого ваши родственники... Ваш сын, насколько я понимаю, так? Других нет?

– Других нет.

– Итого ваш сын получит два миллиона четыреста пятьдесят восемь тысяч.

– Так мало? Я рассчитывал на большее.

– Не знаю, как вы там рассчитывали. Текст закона опубликован на многих сайтах, а на нашем даже калькулятор есть специальный. Расчет примитивный. Возраст вашего дожития определен как максимальный, 80 лет. Вот и умножьте, сколько бы в виде пенсий вы получили до этого возраста. Да, государство экономит еще и на социальном страховании, но и наша услуга чего-то стоит плюс бесплатные похороны.

– Я думал внучке квартиру.

– Послушайте, я вам так скажу. По инструкции, видя сомнения клиента, я должна вам дать еще месяц на раздумья, а там и медкомиссию по новой проходить придется. Справка только три месяца действует. Я готова пойти вам навстречу и дать шанс успокоиться. Воды хотите?

Михаил Андреевич закашлялся и кивнул головой.

Кашель начал его беспокоить пару месяцев назад. Он по привычке пошел в поликлинику к знакомому врачу, с которым когда-то были соседями по коммуналке. С тех пор они считали друг друга чуть ли не братьями, хоть и виделись только по крайней нужде. Василич, так было отчество доктора, отправил на рентген. Потом, показывая снимок, он ткнул куда-то на нем пальцем и спросил:

– Видишь пятнышко?

– Нет, – честно признался Михаил Андреевич.

– А я вижу, я профессионал. Но могу и не заметить. Не стану тебе говорить на все сто, но, поверь моему опыту, это, скорее всего, он. И если ты думал пойти на прогрессию, то лучше сейчас, месяца через три я уже не смогу на это закрыть глаза. Извини, Андреич, за мой бестактный совет, в таких случаях, при последующей прогрессии только стоимость лечения выплачивают, причем с дисконтом. Так, копейки. А ты на нее точно потом пойдешь, чтобы не мучиться.

Тогда Михаил Андреевич и сделал необходимые обследования. Во всех остальных отношениях его здоровье было лучше возрастной нормы.

Отмочив, присохший к небу язык, Михаил Андреевич сказал тихо, но решительно:

– Давайте продолжим.

– Итак, касательно похорон. За вами резервируется место на Николо-Даниловском кладбище. Да, оно далеко, но участки там хорошие, и подъезд нормальный. В принципе ваши родственники могут за доплату захоронить вас и в другом месте.

– А нельзя ли кремацию?

– Это уже по решению ваших родственников. Понимаете, они в любом случае должны увидеть ваше тело, наши исследования показывают, что так им будет проще горевать. У вас же есть, кому о вас горевать?

– Да, сын и, надеюсь, внучка. Мне бы хотелось рядом с супругой.

– Это все решают родственники, но вы можете оставить им вашу волю. Кстати вы принесли ваше прощальное письмо? Отлично, что от руки написали, а то разные у нас бывают потом претензии. В общем, не беспокойтесь, мы предложим им несколько бесплатных вариантов, а если они выберут свой, то выплатим им компенсацию за неиспользованную услугу. Давайте подпишем договор здесь и здесь и пройдем в бокс.

В боксе, куда привели Михаила Андреевича, были абсолютно белые стены и не было окон.

– Почему здесь нет окон?! – заволновался Михаил Андреевич. Кровь ударила в голову, и тошнота подступила к горлу. С него сняли пиджак и усадили на широкое кресло с подголовником и широкими подлокотниками, стоящее посередине комнаты. Пока две сестры суетились вокруг него, вошла третья, уже в синем халате. Она мельком взглянула в файл.

– Вам удобно в этом кресле? Голос ее звучал заботливо. Михаил Андреевич не ответил. Он лихорадочно скользил взглядом по стенам пытаясь найти какой-то в них изъян, чтобы было за что зацепится взгляду.

– Михаил Андре-е-вич! – снова пропела медсестра, привлекая внимание, – слушайте меня.

– Сейчас мы вам поставим катетер, который подключим к этому аппарату.

К креслу подвезли стойку с оборудованием.

– Вот видите тут две кнопки – синяя и красная. Когда вы нажимаете синюю кнопку, то процедура начинается. Вам автоматически будет введено снотворное. И только после того как вы погрузитесь в глубокий сон, будет так же автоматически введен сам препарат. Вот здесь на стойке есть часы.

Взгляд Михаила Андреевича наконец за них зацепился: да, вот часы, можно на них смотреть.

– У вас будет 15 минут чтобы начать процедуру, если вы ее не начнете, то мы вас отключаем и отпускаем. Если вы уже начали процедуру и передумали, то пока вы в сознании, вы можете нажать красную кнопку, и процедура остановится. После того, как вы проснетесь, мы вас отпустим. Вам все понятно?

Михаил Андреевич махнул головой.

– Нет, нет, нет, вы должны сказать мне словами.

– Мне все понятно, – не узнал своего голоса Михаил Андреевич.

«Когда разогреваешь еду в микроволновке, так же долго течет время. Можно сейчас, а можно ведь и подождать. Минута же ничего не решает, пусть будет еще одна. Вот пройдет 10 минут, тогда и нажму, но почему 10. Надо что-то вспомнить про жизнь, но ничего же не идет в голову, только здесь и сейчас. Сейчас. Точно, сейчас или никогда».

Михаил Андреевич решительно нажал синюю кнопку и через несколько секунд почувствовал расслабление и приятную истому в теле.

– А жизнь-то налаживается. А может все-таки?! Должен же быть какой-то смысл!

Михаил Андреевич на всякий случай положил палец на красную кнопку, но палец с нее предательски соскользнул и безвольно повис в воздухе.

Анна Занадворова

Последнее дело Эжена Серова

Эжен Серов сидел, откинувшись на стуле, и сосредоточенно покусывая кончик карандаша. Он уже двое суток не курил. Это был вызов, который он бросил сам себе. И был не намерен проигрывать. Нахмуренные брови почти сходились на переносице – он думал.

Это был энергичный брюнет лет сорока с мягкой грацией льва и улыбкой коршуна, если они, конечно, умеют улыбаться. Сходства с птицей ему добавлял горбатый нос и черный пиджак, наброшенный на плечи, напоминавший сложенные за спиной крылья.

Он был не очень высок, но в его голосе и манерах сквозила такая властность, что вряд ли кто-то отдавал себе отчет, что глядит на него сверху вниз.

Она поправила очки и отхлебнула кофе. Определяющим словом в жизни Марты было слово «дедлайн», который, как известно, приходит к плохим детям вместо деда Мороза. До его прихода оставалась неделя, еще слишком много, чтобы по-настоящему мобилизоваться. Поэтому Марта не спеша совершала свой обычный ритуал: кофе, фейсбук, почта, фейсбук, потом она вдруг замечала, что стол покрыт толстым слоем пыли и работать за ним невозможно, потом оказывалось, что кофе остыл и к тому же кончился, затем она вдруг обнаруживала себя стригущей ногти, поливающей цветы и, совсем необъяснимым образом – моющей плиту. После всех этих приготовлений, наконец, можно было заняться делом. Раньше обязательной частью ритуала была и утренняя сигарета, но теперь, увы, от нее пришлось отказаться.

Эжен принадлежал к завезенной из Англии породе частных детективов. Однако, романтический ореол, окружавший эту профессию, в процессе перевозки несколько потускнел. Работа была довольно грязная и скучная. В основном это были обманутые мужья, брошенные любовницы, попадались и делящие наследство братья и сестры. Последних он отшивал сразу. Он мог позволить себе выбирать. Его звучное имя (каприз родителей) было известно многим.

Он в шутку называл себя семейным психотерапевтом. Ему нравилось нетривиальные задачи. Например, получив заказ от мужа следить за его супругой, он не спешил бегать за несчастной домохозяйкой с фотоаппаратом. Эжен, хорошо зная человеческую природу, понимал, что проблема не бывает односторонней, поэтому, прежде всего, обращал внимание собственно на незадачливого супруга. И обнаруживал иногда такое! Но в конце обязательно было добиться хеппи-энда. В иных случаях он не брал денег.

Четыре неотвеченных вызова: Detishka, BF, Edit, и Ezh. Ну, «деташка», перезвонит сам, BF – ее бойфренд, Микки, ох, он, конечно, дуется, но ему она позвонит попозже. Он немного обиделся, когда увидел, как называется у нее в телефоне, но она удачно сымпровизировала, что BF есть противоположность FB, т.е. личное противопоставлено публичному, и чем меньше она в фейсбуке, тем больше она с ним. Но сейчас она перезванивать не будет, остальным и подавно, каждый час на счету. Марта вернулась за стол и тут сообразила, что так и не налила себе кофе. Пришлось пойти на кухню, чашки заканчивались. Марта взяла красную парижскую с единорогом и его дамой, она любила красивые чашки. Эту они купили вместе с Микки. Марта села за компьютер.

Господи, как же он ей надоел. А, главное, это никому не объяснишь. Скажут, что она придумывает себе проблемы, хочет порисоваться. Скажут, что так нельзя, что она с ума сошла, что рубит сук, на котором сидит. Да многие ей откровенно завидуют.

У него был свой, довольно нетривиальный кодекс чести. В частности, он всегда разделял работу и отношения. А сегодня вдруг поймал себя на мысли, что думает о ней. Эжен нахмурился. Она была совсем не красавица, разведена, сын-студент, волосы с легкой сединой. Носит черное или серое. А этот ее милый жест, когда она поправляет очки. Ну и главное, конечно, как она говорит и как слушает. Он сам был мастером в этом деле, но в ее присутствии размякал и начинал рассказывать ей вещи, о которых не говорил никогда и никому. Эх, ему бы следовало сосредоточиться на взламывании ее почты, а не на ее гардеробе. Но почему-то на этот раз ему было неловко.

Марта почувствовала, что дрожит. От кофе, от бессонной ночи, от работы. Но, она улыбалась. Сначала она испугалась этой мысли, но испуг сменился уверенностью – она убьет его. Да убьет. Красиво. Идеально. В конце концов, она имеет на это право. Но что скажет деташка?!

Она иногда работала в кафе. Выяснить это было несложно. Собственно, об этом Эжену рассказал сам заказчик – ее бойфренд. Дальше он воспользовался привычной схемой, познакомился с ней на фейсбуке, она вначале игнорировала его, но потом, когда у них стало восемь общих друзей, он повторил попытку. Потом «случайно» зайдя в кафе, он разыграл сцену «это судьба свела нас». И сам же влип.

Она вошла в кафе. У нее есть час, чтобы все закончить. Чтобы со всем покончить. Некстати вспомнилась цитатка из школьной программы: «Я тебя породил, я тебя и убью». Марта включила компьютер.

Он открыл дверь кофейни, Марта встала ему на встречу:

– Микки! Все. Я его убила!

– Что?! Кого? Ты о чем вообще?

– Ну, угадай с трех раз.

– Какие у тебя красные глаза, – он обнял ее. – Ты вообще спала?

– Да. Час. Неважно. Ты что не понял? С ним покончено.

– Что, правда?

– Тебе же он никогда не нравился. Ты говорил, что он пошлый и...

– Но ты же уже пыталась когда-то.

– Зато он нас кормил. Да, но тогда Николка очень расстроился, а сейчас он поймет.

– И как? Шальная пуля?

– Нет, любовь. И тромб.

Марта стояла у открытого окна.

Все кончено! Она свободна! А ведь он был в ее жизни дольше, чем Микки. Николке было тогда восемь, она развелась, сидела без денег. Она сразу решила, что это будет чисто коммерческий проект, ее герой будет пошлым, но популярным. Издаваться она будет (если будет), конечно, под псевдонимом. Но она привязалась к нему. Они с Эженом прошли долгий путь от бумажных книжонок до твердых обложек. А как гордился детишка! Однажды он поругался с химичкой, и Марта, чтоб его утешить, назвала ее именем главную стерву в своем очередном опусе. С тех все негодяи получали имена училок или противных одноклассников.

Да, это было смешно. Но персонаж не должен влюбляться в автора, это смертельно опасно.

Ирина Нильсен

Штукатурка с помехами

Я работаю в морге при Тушинской больнице и таскаю из холодильника пакетики с кровью. Моя любимая – третья положительная, сладкая и терпкая, как грузинское «Ахашени». Но ее я беру не всегда, чтобы не заподозрили.

За 75 лет я научился красться по коридору так, чтобы моя кожа бледнела, сливаясь со стенами. Больничным камерам я кажусь штукатуркой. В не очень удачные дни – штукатуркой с помехами.

Это моя четвертая больница и пятый паспорт. Приходится менять год рождения каждые 15 лет, иначе мое тридцатилетие бросается в глаза. Первый участковый, к которому я обратился, отказался меня понять. Его вторая отрицательная была кислой и жидкой, как лимонный сок.

Его коллега оказался покладистой. Третью положительную, текущую по его венам, я учуял с порога, и мне захотелось одновременно выпить его до дна и оставить жить. Я выбрал второе, потому что мне нужен был паспорт. И потому что меня мутило от его одеколона. Я спросил, зачем брызгаться приторной водой, когда пряный аромат твоей крови перебивает все запахи на свете? Он не ответил, только выпучил глаза, как будто этим вопросом я пытался его задушить.

Точно так же отреагировал когда-то отец.

Он погиб в сорок первом, за два месяца до начала войны. С тех пор развалился Союз, остатки нашего колхоза стали частью Москвы, вокруг выросли исполинские дома, гигантские магазины и огромный ландшафтный парк, а построенная отцом лачуга так и стоит в низине, единственная из всей деревни. Продать ее невозможно из-за «удобств на улице», и каждый раз, запирая дверь, я упираюсь взглядом в сколотый завиток наличника. Вырезая языческие символы в узор из трав и цветов, отец верил, что защищает дом от нечистых сил. Думая об этом, я машинально сколупываю с завитков куски бледно-желтой краски.

Иногда в низину спускаются дети из парка и заглядывают в окна через забор. Они ничем не лучше больничных камер и думают, что в доме никто не живет. Самые смелые из них пробраются к двери и тоже сколупывают краску с наличников. Я люблю припугнуть их внезапно открывшимся окном или скрипом половиц и смотреть, как они уносят ноги, путаясь в высокой траве отцовского огорода. Я никогда их не трогаю. Честно говоря, я и сам их немного боюсь.

Наверное, все дело в мальчике, научившем меня различать кровь на вкус. Я столкнулся с ним в Новгороде, куда отправился по делам колхоза. Хотя правильнее, наверное, сказать, что это он столкнулся со мной. Он бежал босиком по ночному городу и врезался в меня с такой силой, что повалил нас обоих. Я выругался и спросил, не ушибся ли он. Он подскочил и уставился на меня так, словно я только что появился из воздуха. Его глаза были мутными, как подтаявший мартовский снег.

Дальше я помню плохо. Кажется, он ухмыльнулся. В шею вонзилось что-то острое. Меня бросило в жар, а потом в холод. Во рту стало вязко, будто я объелся черноплодки. Улица расплылась в бесформенную массу. Когда я снова открыл глаза, мальчик сидел со мной рядом, и его босые ступни были того же цвета, что и мерзлая земля на обочине.

– Получилось, – улыбнулся он, и я заметил на его губах засохшее красное пятно. – Теперь они возьмут меня к себе.

– Кто возьмет?

– Опричники.

В темноте вдруг отчетливо проступила белая стена Кремля, хотя днем она казалась кирпичной.

– Вообще-то они не любят, когда их так называют, – продолжал мальчик. – Старейшие до сих пор помнят опричников, обративших их во время погрома. Но слово прижилось. При них Новгород стал ночной столицей, и они до сих пор лично отбирают тех, кого считают достойными здесь жить. Это они установили квоты на обращение. И они же открыли ночную школу. Правда, ученикам должно быть не меньше двухсот, иначе они не смогут контролировать себя во время заданий.

Слова мальчика казались чужими, будто он пересказывал на экзамене вызубренный учебник. Дома и деревья вокруг были мягкими и нечеткими, словно вылепленные из пластилина. Я снова закрыл глаза. Мальчик продолжал что-то говорить, но я запомнил только последнюю фразу:

– Первую жертву выбирай с умом: ее кровь будет твоей амброзией.

Это было в марте сорок первого. Я вернулся домой и убедил себя, что мальчик мне приснился. Отец тогда затеял ремонт, и на застеленном клеенкой столе стояла бадья с известково-гипсовым раствором. Он мешал его огромной палкой, и у меня создавалось ощущение, что такой же палкой кто-то шурует у меня внутри. Меня постоянно мутило, и отец считал, что это от запаха. Я знал, что он прав. Только запаха известки я совсем не чувствовал, зато все острее ощущал, как дом наполняется пряным виноградным ароматом, от которого внутренности сводило, как от голода. Время от времени я порывался помочь отцу со стенами, но он смеялся, что я и так бледнее его штукатурки, и я выходил на крыльцо с библиотечной книгой об Иване Грозном.

Я уже давно не чувствовал холода.

Стены были готовы к апрелю. Бадья, покрытая комьями штукатурки, перекочевала на улицу. У крыльца выросла гора заляпанных клеенок. Отец выносил из дома остатки строительного мусора, когда под ноги ему попала выпавшая из бадьи палка. Он упал, сильно оцарапав локоть. Я смотрел, как из раны сочится кровь, и наконец понял, что нашел источник виноградного запаха. Дальше все произошло очень быстро. Отец кричал и сопротивлялся. Я порвал его пропахшую одеколоном рубашку. Он полз по ступеням вверх и хватался за перила. Я еле оттащил его от двери, и только потом заметил, что в руках у него остался желтый кусок наличника.

Какое-то время я не чувствовал ничего, кроме сытости. Удовольствие было таким сильным, что мне хотелось кричать. И я закричал. А потом бросился бежать.

Всю дорогу до Клина я представлял, как оторву голову землистому мальчику и брошу ее гранатой в стаю опричников. В Твери пообещал себе, что никогда не вернусь в лачугу с обломанным наличником. Ближе к Торжку понадеялся, что опричники возьмут меня к себе. В Вышнем Волочке я уже в красках представлял их подвалы, забитые бочками с кровью. На Валдае, падая от жажды и усталости, я готов был присягнуть самому Грозному.

Но вместо всадников в черных кафтанах в Новгороде меня ждали перепуганные солдаты в гимнастерках. И я вдруг понял, что нет ни подвалов, ни бочек с кровью. И отца тоже больше нет. Жажда отступила. Я облокотился о серую стену Кремля, и усталость накрыла меня пуховым одеялом. Вокруг засвистели бомбы, но они не могли причинить мне вреда. Пролетая над мной, пилоты видели лишь штукатурку. Иногда – штукатурку с помехами.

Михаил Серендипыткин

Магнус, Бьёрн, топор и погода в Эребру

Грансфорс прислонился к стенке камина и наблюдал за перепадами настроения Бьёрна. Убежденный фаталист, он знал, что события предопределены, и если Бьёрн колебался, прихватить ли доброго друга с собой, то сам Грансфорс лишь флегматично дожидался следующей сцены начертанной у истоков времен пьесы.

Пока дети собирали внуков, пока пили чай, прощались, болтали и снова прощались, Бьёрн держался. Будто одеяло, натянул он на лицо безмятежное выражение. Вновь и вновь опускал он руку в карман, ощупывал пулю, находил на ее доньшке едва различимые борозды замысловато высеченного инициала «М».

Едва дверь закрылась, морщины на лице Бьёрна сложились в новый узор: проступило отчаянье, полыхнула ярость. Бьёрн заметался, зашагал из комнаты в комнату. Наконец он подошел к лавке, что стояла напротив Грансфорса. Сел, отдышался, расчесал серебряную бороду. Прижал кулак к дергающейся щеке и всмотрелся в клеймо мастера на стальном лезвии. «Ты пойдешь со мной», – шепнул Бьёрн топору и положил его в сумку.

Тяжелые хлопья уже заметали следы семейного визита к деду. «Крамсне², – отметил он, выйдя на крыльцо. – То-то сорванцы не хотели собираться. Февраль давно так не баловал. Ладно, неважно».

Он запахнул пальто, сверкнувшее медными пуговицами-снежинками, закрыл дверь. Положил руку с ключом в карман и вновь нашупал пулю.

От соседского дома отделял лишь сад да забор с калиткой – снятая с петель много лет назад, она благополучно вросла в землю. «Глядишь, зима пройдет – зацветет дверца», – подумал Бьёрн, проходя мимо и перехватывая сумку с топором другой рукой.

Поднявшись на крыльцо, он как мог натянул свежую улыбку и постучался. Магнус открыл.

– Как жизнь, Магнус?

– Да сам знаешь. А у тебя?

– В порядке. Я зайду?

– Да, проходи, – разрешил Магнус и отступил на три шага. Вздохнул, развернулся и зашагал в гостиную. Бьёрн стянул обувь и последовал за другом детства.

– Кофе будешь?

– Да, можно.

– Хочешь, в турке сделаю?

– Ну сделай.

Бьёрн сел в кресло в углу, положил сумку рядом и принялся ждать. Он слушал, как позвякивания сменились глухим шипением газовой конфорки, как ходил из угла в угол Магнус, как шикнули капли едва не убежавшего кофе. Наконец Магнус с чашками в руках шагнул в гостиную. По комнате разлился плотный орехово-карамельный запах.

– Пойдем, погреемся, – пригласил он, и Бьёрн пересел к камину. Они устроились на икевской лавке, лицом к огню. Два седых школьника за партой перед классной доской.

– Магнус, я так и не нашел свою собаку.

– Сочувствую.

– Спасибо. – Бьёрн помолчал. – Внуки разъехались?

² Крамсне (швед. kramsnö) – мягкий плотный влажный снег.

– Вчера, – прошелестел Магнус.

– Скажи, зачем ты помогал ее искать? – продолжил Бьёрн. – Мы всю ночь ходили по лесу, ты советовал, сочувствовал. Ты ее, Магнус, окликал.

– Ты почему спрашиваешь?

– Я ее нашел. С твоей пулей в башке, Магнус. Ты пристрелил мою собаку, а потом мне же помогал ее искать?

Бьёрн поднялся с лавки, добрел до сумки и вытащил блеснувший от огня Грансфорс. Взвесил топор на руке.

– Зарубишь моим же подарком? Ты им хоть раз дров нарубил? – Магнус снова повернулся к огню.

– За что ты ее? – Бьёрн сделал шаг в сторону Магнуса.

– Она сожрала моего кота, – ответил тот и посмотрел на Бьёрна.

– Ты сдурел?

– Нет, это вы оба сдурели. Что ты, что твоя собака.

Бьёрн дошел до лавки и сел, положив топор на колени.

– Ты уверен?

– Я вышел во двор и увидел твою собаку, Бьёрн, по уши в крови и с моим котом в зубах.

– Господи... что же ты мне не сказал?

– Струхнул, Бьёрн. Я ее сначала пристрелил, а потом понял, что сделал. Я с этим котом пятнадцать лет прожил.

– Да знаю, – вздохнул Бьёрн и вытер лицо рукавом, смахнув то ли испарину, то ли слезу.

Какое-то время оба вслушивались в треск горящих поленьев. Пока Магнус не сказал:

– У меня табак есть.

– А бумага?

– Тоже есть.

– Так ты же бросил.

– И ты бросил.

– Давай.

Магнус ушел и вскоре вернулся с табаком, бумагой для папирос и машинкой для скручивания.

– И машинка?

– У внука отобрал. Воспитываю.

– И правильно.

Закурив, они заговорили о детях, внуках, топорах и погоде в Эребру.

**Онлайн-курс «Как писать прозу: теория и практика».
Лето 2016. Мастера: Евгений Абдуллаев,
Михаил Визель, Александр Иличевский, Лиза
Новикова, Денис Осокин, Елена Холмогорова**

Наталия Агеева

Николка

Птица нахохлилась и прикрыла глаза. Вздохнув, Николка взял в одну руку серебряные бубенцы, в другую – гороховую погремушку и сильно потрянул перед клеткой. От грохота и звона сокол встрепенулся и заклекотал.

– Ну-ну, что ты там шепчешь, как колдун. Не спи, миленький, не спи, Гамаюнушка!

Семилетний Никола и сам не спал уже два дня и одну ночь. Гришка с голубиною двора обещал прийти подсобить караулить, а сам наврал.

«Увижу, сразу врежу ему, кто его за язык тянул, – приду, приду».

Мальчик зевнул, привалился к бревенчатой прохладной стене, прикрыл глаза и крепко уснул, бубенцы с погремушкой брякнули на пол.

Сокольничему снилась живая матушка. Сразу стало так хорошо, и Николка улыбнулся во сне.

– Поспи, мой соколик, – ласково говорила она.

– Не могу, я, маменька, мне Гамаюна надо тормошить, завтра уже будем выпускать, не улетел бы!

– Давай, я посторожу, а ты спи, – гладила Николку по голове матушка.

– Нельзя тебе, я царским сокольничим назначен, не дай бог чего!

Ночью мальчик открыл глаза, долго пытался сообразить, где он, потом медленной рекой потекли мысли, матушки-то нет уже. Он и сам чуть не умер с голоду прошлой зимой, хорошо его дядька Парфентий взял к себе, откормил, теперь жизнь ничего, сытая – краюха хлеба каждый день! Была б мамка жива, вот порадовалась бы. Глаза начали привыкать к темноте, и Николка увидел клетку.

Птица уснула! Он вскочил, громко закричал, бросился шарить руками по земляному полу, ничего, тогда – что есть сил, захлопал ладонями. Подбежал к клетке. Сокол открыл глаза, сверкнул диким взглядом на мальчика и попятился к стенке.

Эх, хоть бы не улетел теперь! У Алешки Богача в прошлом году сокола призывали— призывали, а он не воротился. Алешку так ободрали кнутом, что он чудом жив остался. Николка вздрогнул.

Утром прискакал на черном коне сокольник Парфентий в новом кафтане.

– Здорова живешь, Никола, после полудня будем выезжать. Как сокола смотрел?

– Две ночи и три дня потешал его, сегодня не кормил, вон он какой послушный сидит, – соврал мальчик.

– Смотри у меня, не дай бог что, шкуру живо сдеру!

«Сдеру, сдеру, только и знает», – губы у мальчика задрожали, он вытер рукавом слезы.

– Поговори мне еще.

Парфентий подошел к клетки, открыл засов, бережно достал птицу и начал надевать клобучок из дорогой кожи на голову сокола, когтистые лапы засунул в путы, усадил сокола на руку. Гамаюн не сопротивлялся. Дядька вышел из избы.

– Только бы не улетел, – прошептал Николка.

Мальчик растянулся на голой лавке и сразу заснул. Опять снилась матушка, потом вдруг Парфентий стал грозить кулаком, а затем сокольничий превратился в Гамаюна и стал шипеть и бросаться на Николку. Мальчик проснулся и перекрестился. С улицы потянуло горькой резедой. Становилось холодно.

Раздался стук копыт. Никола бросился к окну. На соколиный двор влетел всадник. С крыш черным крылом поднялись встревоженные вороны и уселись на ветку однобокой сосны. Парфентий, с белым как снег лицом, спешил и рванул дверь.

– Никола, убью, Гамаюн не воротился! Собирайся живо. Беги к пруду, потом в Измайловский, на пасеке побывай, без сокола не возвращайся, а я на голубятне буду сторожить.

Мальчик вскочил, схватил мешок, бросил в него путы, сеть, веревку, выскользнул в дверь и припустился бежать на голубиный.

По дороге ему встретился Гришка, который сыпал голубям.

– Гришка, сокол улетел, дай мне горлиц, я на виноградный и в лес, искать буду, а ты здесь смотри!

Гришка кивнул. Он протянул жменю сушеной кукурузы, голуби бросились к нему и Гришка ловко словил двух заворковавших голубиц. Никола быстро сунул горлиц в мешок и помчался к виноградному пруду.

Он бежал по знакомой тропинке и всматривался в серое небо, в качающиеся верхушки деревьев, но сокола нигде не было.

«Эх, это ведь из-за меня он улетел. Худо смотрел я его. Гамаюн, миленький, вернись, Христом богом прошу!»

В небе суетились и пронзительно каркали вороны. Пролетала и прогорланила утка.

Мальчик остановился перевести дух. Перед ним открылось озеро с темной холодной водой. У берега в камышовых зарослях, в приплеске сбились кряквы. Сокольничий поискал булыжник и со злостью швырнул в стаю.

– Схоронились, а соколиного клюва не хотите попробовать? – крикнул Никола.

Утки шумно взлетели. Мальчик ждал, что, в небе появится черная точка, и Гамаюн камнем упадет, приманится жирной добычей? Но сокола не было.

Прождав до наступления темноты, Никола отправился к лесу на царскую пасеку. Ноги ели двигались. Сил не осталось, становилось зябко. Мальчик повалился на землю на последнем издыхании и зарылся в листву, пытаясь согреться.

Наступала скорая темь, и сокольник тихо заплакал: длинную ночь ему не осилить, лучше сразу помереть. Оплакав свое горе, Никола провалился в сон.

Ему виделось, что он в избе у бортника дедушки Алексея. Пол—избы занимала белая печь, в печи томился глиняный горшок, и пахло гречневой кашей.

Никола открыл глаза: «Хорошо-то как, я умер», – вспомнил он.

Он был в теплом деревянном доме, сладко пахло воском.

– Проснулся, гостенек, что ж не дошел до порога-то, на дорожке в лесу нашел тебя три денька тому назад, думал мертвый ты, мешочек с голубками твой подобрал. – Попей, соколик, медку грегото. Ослаб ты сильно, чуть не замерз.

– У меня Гамаюн улетел, мне теперь не жить, деда!

– Знаю.

– Откудова?

– Откудова! От тебя улетел, а ко мне прилетел.

– Как прилетел?– не поверил Николка.

– Да так! Вышел я в тот день как тебя нашел, смотрю, сокол на березе сидит. Дай, думаю, твоими голубками приманю, прихватил ладом бечевочку к лапкам, да и выпустил. Сокол слетел, а я и притянул, сеть набросил на Гамаюна твоего.

– А где же он, деда?

Алексий подошел к круглому улью, что взял в дом справить, открыл крышку и достал сокола.

– Гляди, пчела какая диковинная, твоя?– заулыбался старик.

– Гамаюн, – прошептал Никола и засиял...

Галина Бабурова

Корабль под самой крышей

С тех пор, как умерла Мария, Конрад часто просыпался среди ночи: резко подскакивал в кровати, затем долго сидел, прислушиваясь. Совал ноги в мягкие клетчатые тапки – подарок Марии на позапрошлом Рождество – и потихоньку подбирался к двери, хотя знал наверняка, что замок заперт, а снаружи – пустынный двор.

– Нервы ни к черту! – сказал сам себе. Хриплый шепот царапал горло. Тягучая, как чернила, тоска плескалась внутри.

Мария не любила, когда он чертыхался, но Конрад так и не отучился.

Пока суетливые добродушные женщины с грубыми руками укладывали ее вещи, Конрад сидел в гостиной, глядя в окно на голое ноябрьское поле.

Летом поле было совсем другим. Когда они въехали, Мария была счастлива.

– Все окна! Понимаешь? Все! Выходят на поле! Как хорошо, что не на улицу, не на чужие дома!

Как весело мелькали ее пятки, когда она бежала вверх по лестнице. Под самой крышей нашлась комнатенка. Мария легла на пол, глядя в круглое оконце, и потянула его за руку, заставив лечь рядом.

– Смотри, – шепнула она, – наш корабль вышел в открытое море.

По зеленому полю без конца и без края и в самом деле бежали мелкие волны.

У них был счастливый брак. Мария была весела и молчалива. Не пилила его и не жаловалась. Даже когда он чуть было не лишился работы. Секретарша отправила заказчику неверные расчеты. Ошибка была незначительной, но Конрад настаивал, что бумаги следует отозвать. Начальник Конрада думал иначе.

– Нельзя было мириться, Мария, понимаешь? – кипятился он, рассказывая, как хлопнул на стол заявление об уходе. Мария кивала.

Мириться, конечно же, можно. Если б у них были дети, Конрад, пожалуй, не рискнул бы. Но тогда...

– Ordnung muss sein! Порядок! Понимаешь, Мария?

Она понимала. В конце концов, ситуацию замаяли, все—таки архитекторов его уровня в городке днем с огнем не сыскать.

Конрад медленно шел вверх по лестнице. Перерыв, чтобы чуть отдышаться. Все. Дальше. Он толкнул деревянную дверь. Полумрак. Запах пыли. Вот оно, Мариино обиталище. Дом Конрада был внизу, в гостиной, где стоял телевизор и любимое мягкое кресло. Комната под крышей досталась Марии. Она не любила его телевизор. Конрад не возражал. Давно он здесь не был. Когда ему стало казаться, что плыть на корабле – чистое ребячество? Похоже, ужасно давно.

Книги, пузырьки, коробки, куча старого хлама. Она никогда ничего не выбрасывала. Губы свело в полуулыбке-полурыдании. Конрад провел по лицу непослушными пальцами. Он терпеть не мог собирать и копить всякую ерунду и велел жене избавляться от всякой дряни. А она все тянула наверх.

На полу клетчатыми коричневыми буграми скорчился старый плед. Марии здесь не было больше года. Она перестала вставать год назад. Кажется, год – это много. Можно привыкнуть, смириться и... подготовиться, что ли? Но что такое один короткий, стремительный год, если Мария была всегда, почти столько же, сколько он себя помнил. Он знал ее с девяти лет. Они

были знакомы шестьдесят три года, женаты – пятьдесят два. Три недели назад ее увезли навсегда.

Нужно было выйти из дома и пройти сто шестьдесят семь шагов. Свернуть направо. Пройти мимо церкви. Оглядеться по сторонам. Перейти дорогу. Вот оно, кладбище. Узкая тропинка. Могильный камень. Мария. Она теперь там, а он здесь. Одинокий, маленький и ничтожный, как таракан.

Черт знает, зачем он полез в ту коробку. Обычная коробка для обуви, только очень большая. Конрад поднял крышку, ожидая увидеть пару стоптанных зимних сапог, но внутри оказалась бумага. Множество записок, свернутых в трубочку, с неровным краем, словно бы оторванных впопыхах. Попадались сложенные вчетверо листы из клетчатых тетрадей. Некоторые исписаны чернилами, другие – простым карандашом. На всех почерк Марии.

«Конрад сказал, что омлет опять подгорел. У меня жутко болела голова, но я все равно встала в пять утра, чтобы приготовить ему завтрак. Ужасно хотелось завизжать и хлопнуть тарелку об пол, но я сдержалась».

Когда это было? По почерку не разберешь. Мария провожала его на работу каждое утро. Конрад помнил зимний утренний полумрак, их светлую кухню, неизменные тарелки с синим ободком и керамический кофейник, под которым горела свеча, согревая напиток. Хоть убей, позабыл этот чертов омлет. Неужели и вправду он мог так сказать?

Конрад неуклюже опустил на плед. Часть листов из коробки высыпалась на пол. Не заботясь поднять, он наугад вынимал и разворачивал записки. В каждой какая-то жалоба. Грубое слово, отсутствующий взгляд, резкий жест.

Чаша грехов неумолимо давила на колени. Руки дрожали. Он думал, она была счастлива... Мария! Как же ты молчала все эти годы? Смутное воспоминание: жена рассказывает про мать. Та выговаривала все обиды воде. Что же Мария? Поверяла свои бумаги, так что ль выходит? Конрад с кряхтением поднялся, подобрал с пола выпавшие бумажки – все до одной, накрыл сверху крышкой и понес вниз. Устроившись за кухонным столом, приступил к анализу. Он всегда любил цифры, они утешали и успокаивали.

Он обидел Марию одну тысячу шестьсот тридцать восемь раз. Это много или мало? Они были женаты пятьдесят два года. В среднем выходит тридцать один с половиной раз в год. Не считая годы знакомства. Наверно, считать их не стоит. Тридцать один с половиной раз в год. То есть, раз в две недели. Примерно так. Он ничего, ничегошеньки не замечал.

«На обеде у доктора Конрад глаз не спускал с фрау Штольц. Она красивая. Модная. С модной стрижкой».

Мария, ты что? Неужели... Ты знала? Какой это год? Штольцы переехали в их город... Сколько? Лет тридцать назад? Тридцать пять. Конрад вспомнил худошавую, как будто всегда ускользающую Марту Штольц. Резкие жесты, змеиный рот. Ее губы всегда были твердыми и чуть солоноватыми на вкус. Их роман длился два года. Мария... Ведь ты не могла... И все же... Она обрезала длинные косы, сказала, что надоели. Уже после того, как приехали Штольцы?.. Да. После.

Мертвая Мария жаловалась и обвиняла. Конрад, не в силах усидеть, зашагал по кухне. Как же так... Почему? Почему же ты их не сожгла? Мечь? Если так, то очень жестокая. Может, ты не успела? Не успела избавиться от коробки? Или же позабыла? Скажи, что забыла, Мария.

Мария, Мария, Мария...

Он понял, что делать.

Он наденет пальто, возьмет коробку и выйдет из дома. Он пройдет ровно сто шестьдесят семь шагов. Он прочитает одну за одной всю тысячу шестьсот тридцать восемь записок. Он попросит прощения. За каждую.

Он знал, что Мария простит, и тогда он снова сможет плавать на ее корабле.

Екатерина Богомолова

Искушение

Над зоопарком занималась заря.

Просыпались гиены, глухо похихатывая спросонья, потягивались на ветках лохматые шимпанзе, вставали столбиком, встречая солнце, сурикаты. Человечий мир тоже оживал после тихой ночи – дворники зашаркали метлами у метро, распугивая стаи голубей, и в воздухе повисло предчувствие звона первого трамвая.

Федор специально приехал на работу пораньше – день обещал быть особенным и очень важным. Может быть, даже самым важным за последние годы.

Федор работал в зоопарке смотрителем серпентария и потому был уверен, что понимает женщин как никто. Уверен был до тех пор, пока пару лет назад жена не ушла от него к грустному клоуну из цирка на Цветном бульваре. Почему-то особенно задевало Федора то, что клоун оказался грустным, будто уйди Нина к веселому клоуну, ему было бы легче.

И вот совсем недавно Федор снова влюбился.

Он увидел Лику в вагоне метро, между станциями «Автозаводская» и «Коломенская», когда поезд проносился над Москва-рекой. Она стояла, ухватившись правой рукой за поручень, но было как—то сразу понятно, что не нуждалась в опоре. От глаз цвета мха расходились паутиной лучики мелких морщин, пальцы левой руки размеренным движением крутили прядь медных волос.

Федор приглашал Лику в кафе, кино и на пикники в строгинской пойме. Она не отказывалась, но дистанцию сокращать не спешила. Федор чувствовал: она ждет от него подвига. Он никогда не мог похвастать героизмом и очень ждал, чтобы подходящий случай выставил его в нужном свете. Время шло, случай не подворачивался, Лика скучнела и начала пропускать пикники. И вот неделю назад на воротах зоопарка появилась афиша. «Итальянская труппа цирка Медрано в Московском Зоопарке! Акробаты в опасном полете! Канатоходцы над змеиным логовом! Смотрите, удивляйтесь, рискуйте и участвуйте!»

Директор зоопарка поручил Федору к назначенной дате перевести большую часть змей из серпентария на специально расчищенную площадку, посыпанную песком и закрытую по периметру высокими прозрачными листами пластика. Именно там, над шипящим полом, под импровизированным куполом были канаты, трапеции, мостики и кольца. Все вместе называлось модным словом «коллаборация» и было приурочено к году Италии в России, хорошему году для дружбы, *buon anno in amicizia*.

За три дня до выступления члены цирковой труппы приехали в зоопарк посмотреть площадку и обсудить детали программы. За главного у них был бородатый приземистый итальянец по имени Джузеппе, которого Федор, конечно, немедленно прозвал Карабасом. На встрече Карабас рассказал вот что: по программе команда из тринадцати акробатов, мужчин и женщин, разыгрывает под куполом драму с похищением, используя пантомиму, а также «особый язык акробатических трюков». В кульминационный момент в сценарий вводится человек из зала, которому отводится роль помощника – спасителя похищенной героини. Его гримируют и учат простому трюку с вольтижеркой – трапецией, на которой он, раскачиваясь, ловит за руки героиню, и приземляется с ней на мостик. Разумеется, в отличие от артистов труппы, со страховкой. Впрочем, оказалось, что «человек из зала» обычно из своих. Страховка страховкой, но мало ли что. Кандидат в случайного зрителя тоже был, приехал вместе с труппой – русский агент Джузеппе, высокий мужчина в хорошей спортивной форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.